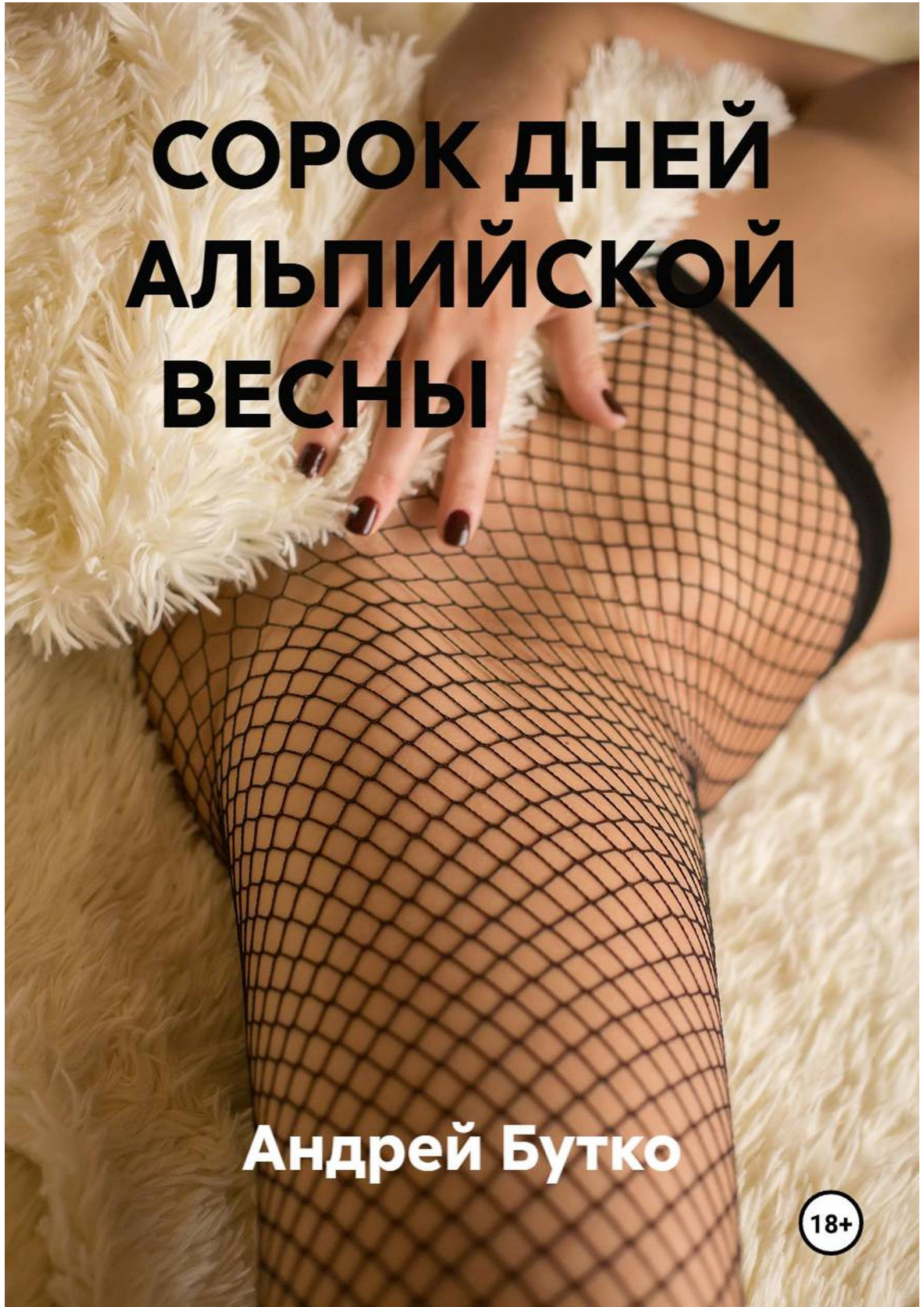

СОРОК ДНЕЙ АЛЬПИЙСКОЙ ВЕСНЫ

Андрей Бутко

18+

Андрей Бутко

**СОРОК ДНЕЙ
АЛЬПИЙСКОЙ ВЕСНЫ**

«Автор»

2026

Бутко А.

**СОРОК ДНЕЙ АЛЬПИЙСКОЙ ВЕСНЫ / А. Бутко — «Автор»,
2026**

Неожиданная встреча с первой школьной безответной любовью много лет спустя. Что она может принести? Разочарование? Ярчайшее чувственное потрясение? Завершение гештальта, который герой пронес через всю жизнь? А что потом? Книга наполнена любовью, изящной, но откровенной эротикой, чувственными переживаниями и болью ожидания неизбежного конца.

© Бутко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«СОРОК ДНЕЙ АЛЬПИЙСКОЙ ВЕСНЫ»	5
или завершение гештальта	5
Там, за горами...	6
День первый (10 апреля, пятница)	8
День второй (11 апреля, суббота)	17
День третий (12 апреля, воскресенье)	19
День четвертый (13 апреля, понедельник)	21
День пятый (14 апреля, вторник)	23
День шестой (15 апреля, среда)	27
День седьмой (16 апреля, четверг)	32
День восьмой (17 апреля, пятница)	35
День девятый (18 апреля, суббота)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

СОРОК ДНЕЙ АЛЬПИЙСКОЙ ВЕСНЫ

«СОРОК ДНЕЙ АЛЬПИЙСКОЙ ВЕСНЫ»

или завершение гештальта

Там, за горами...

Я катил по залитой ослепительным горячим итальянским солнцем автостраде от Венеции к Болонье, а в душе у меня был беспроглядный мрак. Было муторно, тоскливо и горько. И очень больно. Эта боль тыкала чем-то тупым под сердце и никак не хотела уходить. А в голове толкались вопросы: «Как же так? Как это могло случиться? Как и когда началось?» Тщетно я старался отвлечься от мрачных мыслей и сжимавшей горло тоски. Широкие выпуклые белые полосы пунктира дорожной разметки на сером раскалённом асфальте неслись под правое колесо моего «Крайслера» и проскакивали с ритмичным коротким шуршанием – шур... шур... шур... Незаметно я погрузился в воспоминания, и перед внутренним взором сами собой услужливо стали всплывать яркие образы и картины двадцатилетней давности. День за днём... День за днём... И так удивительно отчётливо...

День первый (10 апреля, пятница)

Всё самое лучшее всегда происходит неожиданно. Это был один из холодных дней начала апреля. Во дворах и на газонах ещё громоздились почерневшие сугробы, а появлявшиеся под робким дневным солнцем лужи к ночи снова превращались в лёд. Заканчивалась первая декада апреля, а весна не торопилась вступать в свои права. Подходил к концу ничем не примечательный будний день, пятница, один из многих безликих дней, вечер которого тоже не предвещал ничего необычного. Скоро надо будет уже подумать об ужине.

Я сидел в кресле под торшером с книгой Альфреда Адлера, когда раздался телефонный звонок. Именно звонок, звонок обычного домашнего телефона, потому что мобильных с их затейливыми мелодиями вызова у нас тогда ещё не было. Почти ни у кого. Только у очень крутых «новых русских». Только они могли оплачивать ежемесячные тысячные долларовые счета за появившуюся «сотовую» связь. Я к их числу не относился, хотя и ездил на модной тогда вишневой «девятке», купленной в то время, когда у меня был свой кооператив при одном НИИ. А впрочем, уже и не очень модной, ибо иномарок в Москве становилось всё больше. Шла вторая половина девяностых.

Я поднял трубку. Этот слегка скрипучий с шаловливыми интонациями голос я узнал тут же, хотя и не слышал его почти десять лет. Голоса мало меняются со временем. Особенно такие дорогие. «Братец, привет! Узнал? Как дела?» Сердце ухнуло вниз и застучало часто-часто. И не только от неожиданности и удивления. «Я в Москве, у себя в квартире. Ты что делаешь? Можешь приехать ко мне в гости?» — и продиктовала адрес. Конечно, я мог! Ещё как мог!

Я выскочил из дома, забежал в ближайший магазин, где купил пару бутылок шампанского, большую коробку шоколадных конфет и зубную щётку, на всякий случай. А походная электробритва у меня всегда была с собой в портфеле-кейсе. Впрочем, на какой такой всякий случай? Я же взял шампанское, а ехать в такую даль, на край Москвы рядом со МКАД, я собирался на машине, естественно. Я же после шампанского не сяду за руль, чтобы ехать обратно домой. Да и вообще в мои планы возвращение сегодня домой не входило...

По правде сказать, в то время я и так всюду ездил на машине. Муниципальный транспорт тогда был ещё совсем никудышным, и пользоваться им даже не приходило в голову. Тем более что о платных парковках мы тогда даже и не слыхивали, и оставить машину можно было где угодно, когда угодно и насколько угодно. Ну, если не боишься, что угонят. А это происходило сплошь и рядом.

Уже у кассы, немного поколебавшись, я взял с высокой узкой стойки маленькую пачку презервативов. Тоже на всякий случай. А чем чёрт не шутит! Вообще-то я никогда не пользуюсь презервативами, терпеть не могу, но мало ли что придет в её капризную голову, и, если вдруг произойдет запланированное мною желанное чудо, не хотелось бы, чтобы такой пустяк, как отсутствие дурацкой резинки, встал на пути к исполнению моего заветного желания. Да, представьте, заветного.

Дело в том, что та, к которой я ехал, была моей нежной романтической любовью с девятого класса, и эту неиспользованную нежность я пронёс через всю жизнь, несмотря на браки, жён и любовниц. Это было что-то особенное. Это был мой главный незавершённый гештальт. Я знал, что она замужем, знал, что живёт за границей со своим мужем-австрийцем, но я надеялся. Мог же я надеяться? Для чего-то же она позвонила мне, как приехала. И, как я понял, она приехала одна.

Добираться к ней пришлось довольно долго – в Москве был самый час пик, всё еле ползло. Кроме того, чёртова улица, на которой она жила, состояла, как оказалось, из двух частей, не соединявшихся друг с другом. Улица представляла собой разорванное надвое полу-

кольцо с заездом в каждую половину только с одной стороны (слава нашим градостроителям!), и мне пришлось изрядно поблуждать, прежде чем я отыскал в самом конце дальней половины одного из полуколец нужный мне дом-башню с видом на МКАД за обширным пустырьём.

Пришвартовав машину у подъезда, я поднялся в лёгком возбуждении на одиннадцатый этаж и нажал кнопку звонка на общей застеклённой двери предбанника. В глубине холла раздался звук открывающейся двери, и я увидел за мутным стеклом изящный тёмный силуэт на фоне падающего из открытой двери квартиры света. Щёлкнул замок, и в образовавшейся острожной щели я увидел знакомые лукаво прищуренные тёмно-карие глаза. Дверь распахнулась, и она засмеялась: «Ну, ты на чём ехал? Я тебя жду уже три часа!»

Мы зашли в маленькую однокомнатную квартиру, и здесь при нормальном свете мне удалось рассмотреть её целиком, от светлой аккуратной стрижки до стройных ножек в мягких обтягивающих лосинах. Она всегда была очень привлекательной, с изящным овалом лица, высоким лбом под тёмной чёлкой (тогда, в школе, когда я в неё был безнадежно влюблен, она ещё не красила волосы в золотисто-платиновый цвет и была шатенкой), коротким скругленным носиком, с пухлыми мягкими чувственными губами и блестящими влажными миндалевидными глазами цвета спелой вишни. Я находил в ней сходство с Орнеллой Мути в её лучшие годы, только с тёмными глазами и, пожалуй, с менее скуластым лицом. И у неё уже тогда, в школе, была великолепная фигура – развитая, налитая упругая грудь, довольно тонкая гибкая талия, неширокие спортивные бедра, выпуклая, круглая тугая попка и безупречно стройные длинные ножки. Одним словом – ночная мечта мальчишек!

Она и теперь, сохранив все свои формы и пропорции, выглядела прекрасно – подтянутая, но не худая и очень женственная, моложавая, очаровательная. При всей её стройности, она явно набрала за прошедшие годы дополнительной женской мягкости и плавности. На вид ей нельзя было дать больше тридцати. Она приветливо и озорно улыбалась, чуть склонив голову вбок, и тоже с интересом меня разглядывала. Я, расплывшись как идиот, принялся ненужно и торопливо объяснять про чёртовы пробки и как долго искал её дом. А сердце колотилось и колотилось от неожиданно нахлынувшего волнения.

В комнате у стены стоял большой диван, напротив него — чёрная стойка с музыкальным центром «Грюндиг», у другой стены — большой трёхстворчатый гардероб, у изголовья дивана — гардероб поменьше. Такой же по стилю комод у окна, ещё книжный шкаф с секретером, буфет-сервант, ещё один маленький комодик. Видно было, что вся мебель из одного дорогого набора. Недалеко от дивана между двумя глубокими мягкими креслами под торшером был накрыт квадратный журнальный столик. Кресла стояли под углом друг к другу так близко, что почти касались краями коричневых плюшевых подлокотников. На столик были выставлены пара легких салатов и нарезка ветчины и красной рыбы.

Я достал из пакета принесённые мною шампанское и коробку конфет. За конфеты она поблагодарила, но сразу сказала, что сладкого не ест, потому как соблюдает диету, чтобы сохранять фигуру. И надо отметить, ей это явно удавалось. А вот шампанскому она откровенно и искренне обрадовалась. Тут же появились бокалы, я завалился в удобное мягкое кресло и стал понемногу приходить в себя. Надо было заводить светский разговор о том, как ей живется в этой Австрии и что это её вдруг привело в Москву. Но больше всего мне хотелось выяснить, почему, а вернее, зачем она позвонила мне и пригласила в гости? От скуки и одиночества?

Она положила мне в тарелку салатов и устроилась, как кошечка, на кресле с бокалом, уютно поджав под себя ноги в белых носочках, тут же напомнившими мне её белые заграничные колготки, обтягивавшие её стройные ножки, и коротенькую синюю юбку над ними в том далёком девятом классе. С этой юбкой, как, впрочем, и с другими подобными, в которых щеголяли наши девочки, безуспешно боролись учителя во главе с завучем. Ну, не с самими юбками, естественно, а с их неприлично недостаточной, по их мнению, длиной, вполне соответствовавшей тогдашней моде. И почему им это не нравилось? Нам, мальчикам, так очень даже нрави-

лось. Особенно когда девочкам приходилось наклоняться. Может быть, именно поэтому? Так же безуспешно преподавательский состав боролся и с нашими редкими тогда ещё джинсами и поголовно нестриженными головами «под битлов».

От этих промелькнувших воспоминаний опять застучало в ушах разволновавшееся сердце. На секунду мне даже почудилось, что меня коснулся тот далекий головокружительный аромат её духов. Как они назывались? Я потом его больше никогда уже не встречал. Она тогда, безусловно замечая обожание в моих глазах, мне в утешение записала меня в «братики», что предполагало несколько более близкий и доверительный статус, и как-то даже под настроение подарила мне свой маленький вязанный сиреневый шарфик. Он был пропитан этим неповторимым запахом её импортного парфюма. Её запахом. Я держал его под подушкой и время от времени по ночам утыкался в него носом и балдел, как наркоман. Нет, как влюблённый наркоман! Правда, через месяц она попросила его вернуть. Всё-таки шарфик был женским.

Да, я был безнадёжно в неё влюблен, но она предпочитала другого моего одноклассника, постарше (он был второгодником), повыше и помужественнее с виду. Хотя и не отличавшегося умом и манерами. Но имел спортивную фигуру и фирменные вельветовые джинсы. Я, конечно, не признавался в своих чувствах, а она, разумеется, легко угадывала моё отношение к ней, как любая женщина, ну или будущая женщина, но сводила тогда все наши отношения к тёплым, дружеским, доверительным, даже братским. Вот отсюда и этот мой позывной «Братец». Время от времени, к моей несказанной радости, у нас случались совместные прогулки, иногда даже позволялись братские поцелуи в щёчку при прощании, и не более того. Но мне и этого было достаточно для романтических воспарений и их излива на тетрадные листки в виде наивных юношеских стихов.

Чтобы немного унять волнение, я сделал хороший глоток из своего бокала: «Так что пришло тебя в Москву?» Она щёлкнула зажигалкой и пустила лёгкий дымок сквозь сложенные трубочкой губы: «Да хочу продавать эту квартиру, а мебель разберу и отправлю к себе в Грац». «Почему так сложно, — удивился я, — разве нельзя купить мебель там, в Австрии? Зачем тащить эту из Москвы через все границы, да ещё разбирать, грузить, а потом снова собирать?» Выяснилось, что это не просто мебель, это эксклюзивная итальянская коллекция, которую она приобрела в славные времена, когда занимала солидную должность в московском представительстве крупной немецкой компании. И там, в Австрии, она стоит столько, что и не подступишься. В общем, всё уже просчитано.

Окинув новым взглядом величественно возвышавшиеся вокруг меня уникальные произведения итальянских мастеров мебельного искусства и проникшись серьёзностью проблемы, я солидно поугукал и приналег на салаты, у меня уже давно подошло время ужина. И тут раскрылась главная интрига нашей встречи. Ей нужен был помощник, чтобы разбирать и упаковывать мебель, а ещё ей нужен водитель, чтобы возить по делам, которые надо было утрясти в Москве до отъезда, а также привозить картон для упаковки. Ну! Романтический болван! Будто ты знаешь её первый день! Теперь ясно, зачем она тебе позвонила сразу по приезде.

Ну что же, за все свои годы я так и не сумел освоить технику отказа красивым женщинам, и уж тем более я никогда не смог бы отказать ей. Да, работы тут было немало, уж точно не на один день и даже не на неделю, но свободного времени у меня тогда было навалом, особенно днём. По вечерам я ходил на учёбу, получал очередное высшее образование. И потом, чем чёрт не шутит, обладая большим временным ресурсом, может всё-таки мне удастся довести мои романтические фантазии до естественного конца и закрыть этот многолетний незавершённый гештальт юношеской любви. Разумеется, я подтвердил свою готовность помочь. И в разборке мебели, и в поездках по делам. И, по правде говоря, вне зависимости от возможного исхода моих чаяний, я сделал это без напряжения, даже со скрытой радостью.

А что касается этого пресловутого гештальта, исподволь мучавшего меня в большей или меньшей степени все двадцать пять прошедших со школы лет, то, признаюсь, я уже пытался его завершить как минимум два раза, когда ещё и самого слова «гештальт» не знал.

Первый раз случился в конце семидесятых, когда я в большом расстройстве от весьма весомого подозрения на измену своей потенциальной невесты сорвался со студенческой вечеринки, вышел в три часа ночи на совершенно пустое Садовое кольцо, чудом остановил одинокое такси с зеленым «глазом» и уговорил водителя за две цены отвезти меня к чёрту на рога в Кузьминки на улицу, в те времена мало известную даже таксистам. Туда, куда меня позволяло востребованное сердце. Туда, где тогда жила она. Одна.

Мне открыли дверь и даже пустили в дом, коротко отчитав за столь поздний визит, и наказали ложиться спать на кухонном диванчике. Я покорно подчинился поначалу, но, конечно, позже предпринял вылазку с кухни к ней в спальню. Но впустую. Несмотря на то, что она уже находилась в разводе после первого брака, она весьма категорично и вполне недвусмысленно отправила меня обратно на кухню, не оставив ни малейшей надежды на возможное снисхождение в дальнейшем. Что ещё раз подтвердилось утром, при нашем пробуждении. Мне было выражено возмущённое сочувствие в связи с безнравственным поведением нашей общей знакомой, затем я был накормлен завтраком и вежливо, но твёрдо выставлен за дверь с пояснениями, что ей надо срочно собираться и ехать по своим делам.

Во второй раз, несколько лет спустя, я был приглашен ею самой на какое-то семейное торжество. Чуть ли даже не на день её рождения. Был приготовлен праздничный, но лёгкий стол, а из гостей почему-то оказался я один. Её мама посидела с нами с полчаса, а потом засобиравшись куда-то, извинившись, и испарилась, предупредив, что вернётся через пару часов.

Мы остались одни, и надо было форсировать события, чтобы уложиться в эти пару часов. В этот раз она была в благорасположении и даже позволила освободить себя от кофточки и бюстгалтера, явив к моему восторгу свою великолепную грудь, которой я отдал должное, безусловно. Но дальше этого дело не пошло. Снять с неё джинсы так и не удалось, хотя я раззадорил её руками прямо через плотный деним джинсов так, что мог чувствовать под пальцами влагу, просочившуюся наружу сквозь шёлк трусиков и фирменный шов джинсов в шагу. Почему джинсы остались неприступным бастионом, отстаиваемым ею со всей стойкостью, которую не сумела подточить даже бутылка вина, очень долго оставалось для меня загадкой, разрешившейся много позже, уже в этот её последний приезд в Москву, когда я понял, чего от меня ждали.

Так в безрезультатной борьбе время, отпущенное нам, вышло, мы привели себя в порядок и сели чинно в ожидании мамы, которая, возвратившись, без труда догадалась по нашим покрасневшимся ролам, что тут без неё произошло. А вернее сказать, происходило, но так и не произошло.

И вот я сижу снова напротив неё, устроившейся калачиком в кресле в тёплом свете торшера, с сигаретой и бокалом, в котором поднимаются крошечные золотистые пузырьки, смотрю на неё, наполняюсь шампанским, желанием, надеждой и решимостью не упустить свой третий шанс, понимая, что он наверняка станет последним. Но нам уже не по семнадцать и даже не по двадцать лет, у меня накопился кое-какой жизненный опыт, да и у неё, надо полагать, капризов и амбиций поубавилось. Тем более, она уже почти десять лет в браке за мужчиной на двенадцать лет её старше. Это даёт мне преимущество возрастное, а главное, создаёт притягательное ощущение некой эмоциональной новизны после многолетней супружеской рутины.

«Почему твой муж не поехал с тобой? Мог бы и помочь тебе со сборами здесь. Да и как он не побоялся отпустить тебя одну, такую привлекательную особу, прелестную европейскую штучку, в наши дикие края?» — начинаю аккуратно подбивать клинья. Выясняется, что она

тут надолго, дней на сорок, а он не может бросить без строго хозяйского пригляда пару своих бензоколонок. Да она и сама может справиться («Что, она не найдет здесь себе дурака-помощника?» — отметил я мысленно), а как всё будет готово, муж приедет к отправке груза, и они затем вместе полетят домой на самолёте, чтобы встретить мебель в Граце, которая поедет туда тихим ходом в автофуре.

«Поставь какую-нибудь музыку», — просит она, не выпуская из рук бокала и влажно поблёскивая глазами. Я выбираюсь из кресла, беру первую попавшуюся кассету из стойки под музыкальным центром и засовываю её в кассетоприёмник. Щёлкаю клавишей «воспроизведение», и комната наполняется глубокими басами. Да, «Грюндиг» хорош — набор из четырёх отдельных блоков, благородно отливающих антрацитом, такие же чёрные напольные акустические колонки метровой высоты. Но главное — что я слышу! Это же одна из моих любимых ещё с детства мелодий, звучавших тогда из родительского магнитофона «Днепр», когда собирались гости. И тот же голос певицы с чудными вибрато и лёгким цыганским интонированием, имени которой я никогда не знал, хотя у отца была почти целая катушка с её записями. «Амог, амог, амог...»

Ещё и это! Меня всё будто нарочно перебрасывает туда, в прошлое, в те чудные школьные годы. И она, и эта музыка, и шампанское в моей голове, я просто растёкся и на минуту потерял ощущение реальности. «Кто это поёт?» — спрашиваю. «Я не помню, посмотри, что написано на кассете», — она делает легкий жест пальцами, в которых испускает тонкой струйкой дымок ментоловая сигарета. Вытаскиваю кассету, читаю — «Кони Фрэнсис». Боже, вот и сошлось всё в точку, теперь я знаю, кого я любил с детства. Вставляю кассету обратно, и наш уютный вечер снова наполняется волшебством вневременных звуков.

В полном размягчении возвращаюсь в своё кресло, хотя очень бы хотелось уже пристроиться к этому влекущему тёплому клубочку в кресле по соседству, но чувствую — рано, почва ещё не готова. А волнение растёт неудержимо. Впрочем, это не просто волнение, это вернувшееся желание, неодолимое влечение и нежность, омывающая сердце.

Собираюсь и принимаюсь совершать обходные манёвры. Завожу разговор о её жизненных планах, о мечтах, о душевном состоянии и мягко перевожу разговор на её сны и эротические фантазии. Она идёт за мной по тропинке откровений и в какой-то момент, преодолевая остатки смущения, открывает мне, что иногда видит в своих фантазиях продавца из мебельного магазина, высокого темноволосого красавца с глубокими синими глазами. Невольно сравниваю свои заметно проявленные залысины с рисуемым ею образом. Счёт не в мою пользу, но стоп, это всего лишь фантазии! Главное, машинка запущена и едет в нужную сторону.

Начинаю осторожно выводить её на воспроизведение деталей: хорошо ли ей в его объятиях, что он делает, где трогает, как трогает, что она при этом чувствует, что ей нравится больше, а что меньше, и всё ли он делает, что ей действительно хочется? Вижу, её чудные тёмные глазки затягиваются поволокой, дыхание учащается, ноздри раздуваются. Она и там, и здесь, ею овладевают образы и воспоминания ощущений, которые она переживает заново.

Всё идёт хорошо, но в этот момент у нас кончается шампанское. Что будем пить? А что есть? Она уходит на кухню, и наш стягивавшийся круг размыкается. «Только водка, — звучит из кухни от раскрытого холодильника. — А-а, ещё есть сок. Апельсиновый». Отлично, делаем «отвертку»! Но вот она усаживается обратно в кресло, напитки на столе, мы к ним жадно приникаем. Вижу, ей тоже не терпится продолжить разговор, её это заводит. «Ты домой поедешь?» — смотрит лукаво из-под приподнятой брови. «Как же я поеду, я уже изрядно выпил!» — с показным удивлением отвечаю я.

Смеётся, привычно изящно прикрывая рот кончиками пальцев — когда-то у неё был зуб, торчавший выше остального ряда — пятый верхний слева, улыбка его обнажала, и она этого стеснялась. Теперь его уже нет — зубки приведены в порядок, выровнены, отбелены, и улыбка доведена до совершенства, но многолетняя привычка осталась. «Ах ты хитрец!» — якобы уко-

ряет своим смеющимся поскрипывающим голосом, в котором явно звучит провоцирующее кокетство. Процесс идёт!

Она, чуть прищурившись, смотрит мне прямо в глаза: «У меня только одна постель». «А нам нужно больше?» — отвечаю ей таким же прямым взглядом. Опять смеётся, потом берёт со стола золотистый карандаш и, отодвинув его от себя по столешнице на вытянутую руку так, будто он означает границу между нами, произносит, слегка понизив свой шелестящий голосок, который при этом наполняется бархатными воркующими нотками: «Видишь, ты ещё пока тут, ещё не придвинулся ко мне достаточно близко», и снова задерживает свой влажный взгляд на моих глазах.

Пульс стучит в висках, я отхлебываю из бокала холодную смесь водки с соком и, не отпуская её глаза, спрашиваю: «Когда ты получаешь больше удовольствия, когда ты с мужем или когда ублажаешь себя сама?» Она вздёргивает брови, будто её неожиданно укололи, потом расслабленно откидывается на спинку кресла и прикрывает глаза: «С мужем мне редко бывает хорошо». Вдруг она высвобождает из-под себя ногу в белом носочке и, сев поудобнее, вытягивает её на подлокотник моего кресла. Я ласково сжимаю рукой тёплые изящные пальцы, обтянутые тонкой тканью. Она качнулась вперед и придвинула карандашик на столе ближе к себе на треть расстояния.

«Ты любишь оральные ласки?» — продолжаю я наступление. Она решительно отодвигает карандашик назад. «Жаль», — мысленно огорчаюсь. «Ты пробовала ролевые игры?» Она неуверенно качает головой, но карандашик не двигается с места. Я напрягся. «А хотела бы? Например, связывание?» Она вскидывает глаза с интересом и удивлением и придвигает карандашик к себе наполовину. Так, кажется, нащупал! Я, не отпуская её ступню, поглаживаю ближе к пятке сбоку. Она берёт со стола бокал, в котором тихо звякает лёд, и делает большой глоток. «А в какой позе ты чаще всего видишь себя, когда фантазируешь о продавце мебели?» Она на миг задумывается, прикрыв глаза: «Он кладет меня на стол, а сам стоит и держит меня за ноги».

Тёплый свет торшера мягко падал на её лицо, отбрасывая тень от волос, спускавшихся вдоль щеки, стирая годы с её такого знакомого, такого уже явно, без всяких сомнений, вновь до сердечной боли любимого лица. В этом свете еле заметная поднималась тонкая сизая струйка дыма от её длинной сигаретки, разливала чувственный томный мёд Кони Френсис, плавно уплывавший в затемнённые углы комнаты: «...quizas, quizas, quizas...» Не знаю, как она, но я точно уже был на взводе, меня заполняла истома, желание и нежность к этой такой притягательной для меня женщине, девушке, девочке-девятикласснице. Карандаш скользнул ещё ближе к её краю стола, а моя рука скользнула от пятки по её икре под тёплый чувствительный сгиб колена.

«Этот продавец, он что-то говорит тебе? Или просто бросает на стол? На крышку полированного комода? Может, он тебя шлёпает или как-то иначе делает больно?» Она задышала: «Иногда. Он такой решительный, просто делает со мной, что хочет!» Карандаш резко передвинулся ближе к её краю стола. Я гладил её под коленкой и продвигался дальше по гладкому бедру. «Делает то, что он хочет? Или то, что хочешь ты?» Она сглотнула и кивнула. «А ты, воображая это, трогаешь ТАМ себя снаружи или запускаешь пальцы внутрь?»

Карандаш звонко упал за край стола. Она разом осушила бокал, наполнила его снова и затушила в пепельнице сигарету. Моя рука поглаживала её бедро всё выше, Кони Фрэнсис уговаривала нас отдаться течению и мягко подталкивала друг к другу. Я уже давно был готов. А она сделала большой глоток напитка, прикрыла глаза и откинулась на спинку кресла, ещё больше протянув ко мне подрагивающую ногу, которую я неотрывно и всё более настойчиво, но нежно гладил уже совсем высоко. Так высоко, что ладонь с трудом протискивалась между её тёплым бедром и плюшем сиденья кресла. Мои пальцы скользнули с низа бедра к его внутренней поверхности, где было почти горячо, а лосины были натянуты, как барабан.

Вдруг она открыла глаза и резко встала из кресла. Затем протиснулась между моими коленями и столиком, мягко взяв меня прохладными от стакана ладонями за шею, и наклонилась, обдав смесью ароматов духов, сигарет и алкоголя. Коснулась тёплыми губами моего уха и обожгла его шёпотом: «Всё хорошо, я в ванную», и, качнувшись, исчезла за занавеской из широких плотных разноцветных пластиковых полос, заменявших дверь в ванную. Зашелестел душ.

Сердце колотилось у меня в горле, голове и всюду, где только можно. Дрожащими руками я взял бокал и допил его до дна. Меня всего трясло от предвкушения и волнения. Двадцать пять лет, двадцать пять лет! Боже мой! Не грохнуться бы в обморок! Но как она хороша, и как желанна... Она вышла из ванной босиком в белом махровом халатике. Я встал и вышагнул навстречу из-за журнального столика.

Я взял её за плечи, почувствовав под ладонями соскальзывающую махровую ткань, мягко притянул к себе и, почти теряя сознание, уткнулся губами в её тёплую шею под ухом. И тут же утонул в головокружительном запахе её духов и тонком аромате шёлковой кожи. В этот миг я явственно ощутил, как меня закрутил временной вихрь и закинул на двадцать пять лет назад. Это было какое-то волшебство, магия, я вдруг совершенно реально почувствовал себя шестнадцатилетним подростком, который, наконец, впервые прикоснулся неумелыми жаждущими губами к нежной коже своей возжеленной юной возлюбленной и задохнулся в восторге от её аромата и потрясающих ощущений! Меня не было, я растёкся во времени и пространстве. Со мной никогда не происходило ничего подобного, ни до, ни после! Это было что-то невероятное, какое-то вневременное космическое состояние, я готов был полностью раствориться в этом необыкновенном переживании, даже уйти совсем в небытие, лишь бы это не кончалось.

Но ЭТО, конечно, закончилось, как и всё в этом мире.

Не знаю, сколько времени я провел в этой нирване, может, миг, может, несколько минут. Она молчала, прижавшись ко мне. Я вынырнул из её волос, нашел её теплые мягкие губы, с которых стал пить чудесные ароматы её дыхания, сигарет, алкоголя и даже какой-то невидимой помады. Но это всё были самые лучшие на свете ароматы просто потому, что это были ЕЁ ароматы. Я был совершенно счастлив, мне ничего больше не было нужно от жизни, только эти ароматы, эти тёплые живые губы, это гибкое упругое тело, прижимавшееся ко мне сквозь ткань стянутого пояском халата. Под халатом на ней ничего не было, конечно. Но на мне! На мне был целый ворох совершенно ненужного, совершенно неуместного барахла!

Я распахнул на ней халат настолько, насколько это позволял узел пояса, и стал покрывать горячими поцелуями её открывшиеся округлые плечи, изгиб шеи и великолепные, красивые, одновременно и упругие, и трепетно-податливые, не слишком большие груди на широком основании изумительной, совершенной формы с тёмными овальными сосками с крупными затвердевшими изюминами в центре. Я переливал в свои поцелуи всю скопившуюся за долгие годы нежность, любовь, всё желание, я готов был съесть её, выпить всю до последней капли, но надо было снять с неё этот ненужный халат, а с меня всё это чёртово барахло. Она слегка отстранилась и тихо произнесла, блестя своими изумительными тёмными глазами, начавшими затягиваться поволокой: «Иди в ванную. Я пока расстелю диван».

Я, с трудом приходя в себя, оторвался от неё и кинулся в ванную, где постарался провести минимум времени, ровно столько, чтобы принять душ. Я даже не стал чистить зубы, но, когда я вышел, широкий диван уже был разложен и застелен бельём кремового цвета, по крайней мере так мне показалось в мягком свете торшера. Она сидела на краю дивана с бокалом в руках и по-прежнему в халате. Я был совершенно голый и даже с крепко изменившейся геометрией тела. Она посмотрела на меня с улыбкой, допила залпом бокал, поставила его на столик и протянула ко мне руки. В следующую секунду я уже был в её объятиях, стаскивал с неё халат и бережно заваливал на воздушное одеяло. Она помогала мне с узлом халата и с поцелуями, жарко отвечая на них.

Освобождённая от халата, она быстро юркнула под одеяло, и я даже не успел рассмотреть её всю целиком. Тут же я был рядом с ней, конечно, обнимая её, покрывая поцелуями от глаз до пупка, но дальше она продвигаться не позволяла, придерживая мою голову от путешествия к самым сокровенным тайнам. Ну да, я помню этот решительный возврат карандашика. Хорошо, я буду использовать внизу руки, а здесь наверху губы, им здесь есть чем себя занять – глаза, шея, рот, плечи, наконец, её великолепные груди с красивыми чётко очерченными тёмными сосками.

Руки тоже не бездельничали, пальцы скользили там, во влажных владениях блаженства, и должны были бы уже довести её до края, за которым наступает полная потеря контроля и слияние двух сторающих от страсти тел. Но тут я стал замечать, что сторающее от страсти тело только одно, и это тело моё! Она как-то незаметно перестала отвечать на ласки и затихла. Я оторвался на секунду, и меня как громом поразило её спокойное ровное дыхание и полная неподвижность. О боги, она заснула! Видимо, количество выпитого за этот вечер оказалось для неё неподъемным, и хмельной сон одолел её, несмотря на весь мой пыл. Химия алкоголя оказалась сильнее химии гормонов и жара моей любви!

Да, она спала! И даже чуть похрапывала, как это свойственно всем переусердствовавшим со спиртным. Мне стало грустно, очень грустно и горько, но возбуждение не отпускало. Я скинул с неё одеяло и, стоя на коленях, стал любоваться её красивым стройным расслабленным телом в неярком тёплом свете торшера. Она лежала на спине, слегка раскинув руки. Её чудные груди разбежались в стороны, и тёмно-коричневый овальный сосок смотрел на меня с лёгкой укоризной, будто стыдя, что я его разглядываю без ведома хозяйки. Живот был плоским, без растяжек, совершенно как у юной девушки, бёдра без намёка на целлюлит.

Я неотрывно любовался её нагим телом и наслаждался его совершенными формами, плавными линиями, безупречными пропорциями. Я вдруг понял, что наслаждаюсь её женственной красотой ещё и эстетически, как наслаждаются совершенством античной статуи, с той только разницей, что к эстетическому наслаждению добавлялось ещё и горячее, бесконечное желание истомлённого влюблённого, и сладчайшее предвкушение обладания этим совершенством. Не отрывая от её прелестных форм ненасытных глаз, которые готовы были втянуть, выпить, вобрать в себя эту божественную красоту, я осторожно переместился к её ногам так, чтобы мои колени оказались между её ступнями, поцеловал бёдра, сначала одно, потом другое, и, взяв её за тонкие щиколотки, неторопливо развел ноги в стороны.

Не знаю, сколько времени ушло ещё и на любование неширокой тёмной дорожкой внизу живота, аккуратно подстриженной и подбритой. Я так долго ждал, чтобы увидеть эти скрытые и недоступные прежде тайны. И эту приоткрывшуюся, влажно поблескивающую в смутном освещении розовую раковину. Я нагнулся и поцеловал мягкую ямку пупка, потом ниже, и, наконец, там, где моих ноздрей коснулся её интимный запах. Запах женщины. У каждой женщины свой запах.

Этот меня устраивал, волновал и притягивал, зовя целовать пушистую полоску и ниже. Я так долго ждал этой минуты, а она спала. Я подумал, что следует накрыть её одеялом и оставить в покое до утра, но, зная её непредсказуемый, взбалмошный нрав, утром могло произойти всё что угодно, а вернее, ничего не произойти, как это уже случалось прежде. Я понимал, что смажу всё первое впечатление, если не дождусь её пробуждения, но я был слишком возбуждён и слишком долго ждал этого момента, чтобы упустить его ещё раз и, возможно, навсегда.

«Что ж, — я решил, — поставлю эмоции на паузу. Не привыкать. Да, первого раза уже не будет, но пусть всё идёт, как идёт. В конце концов, первое прикосновение к ней сегодня подарило мне такие умопомрачительные состояния, что о большем и мечтать невозможно!» Я медленно провёл губами снизу вверх по внутренней стороне сначала правого бедра, потом левого. Ещё раз вдохнул запах её розовой раковины, прихватил её губами, чтобы ощутить

этот божественный вкус моря, слегка раздвинув языком её мягкие влажные горячие створки, и понаслаждался ими, пока хозяйка не возражает.

Впрочем, «понаслаждался» всё-таки это не совсем верно. Это скорее можно было назвать «дегустацией». Для полноценного наслаждения не хватало ответа, реакции на ласку. Это как взять дорогую скрипку, смычок и играть на ней Вивальди, но... с наглухо залитыми воском ушами – вроде бы виртуозная техника есть, а ничего не слышно. Нет божественных звуков чудесной музыки! Но и дегустация способна доставить удовольствие истинному ценителю. И да – на вкус она тоже подходила мне совершенно!

Ещё немного побаловав себя «дегустацией», я привстал, приподнял и развел в стороны её колени, вздохнул, слегка помедлил... и вошёл в неё. Терпеть я больше не мог. Мне даже пришлось замереть на время, чтобы прочувствовать до конца, всем телом, каждой трепещущей клеточкой это чудо слияния с любимой, возжеленной и так долго желаемой женщиной, осознать случившееся и не сойти с ума от счастья и нахлынувшего блаженства.

В этот миг лёгкое похрапывание замерло. Очевидно, звёздное скопление влажных рецепторов и миллионы нервных окончаний выдали соответствующий сигнал мозгу. У меня вспыхнула надежда, что она всё-таки проснётся! «Ну, милая моя! Ну...» Но до спящего сознания этот сигнал, видимо, не добрался. Увы! Я принялся целовать её лицо, шею, плечи: «Ну, милая, ну, девочка моя, ну, пожалуйста, вернись ко мне, открой глазки...» Тщетно. Она так и не проснулась.

А Кони Френсис баюкала нас до утра. Наверное.

День второй (11 апреля, суббота)

Наверное, потому что, когда я утром проснулся, в комнате было уже тихо. Вероятно, сработал автостоп. И светло. Я очнулся раньше неё. Сказалось изрядное количество выпитых накануне напитков всех видов. Вернувшись из ванной, я нырнул под тёплое одеяло. Она лежала на левом боку, спиной ко мне. Я осторожно обнял её, утонул носом в душистом дожде золотистых волос на затылке и прижался к её гладкой, словно атласной, спине и попе. В руку доверчиво легла мягкая грудь. Я стал ласкать её, придавливая, сжимая и расслабляя пальцы, перекатывая податливую плоть и пропуская между пальцами нежный сосок, который тут же начал твердеть. Стремительно накатилось возбуждение, и, теряя контроль, я крепче сжал объятия и ещё сильнее прижался к её спине и крепким гладким тёплым ягодицам. Особенно к ягодицам. И между. Меня опять окатила изнутри и прокатилась по коже горячая волна нежности и желания раствориться в ней, в её тепле. Эта волна уносила меня в какое-то пульсирующее светлое бездумие, и я в нём плыл и тонул, и только самый край сознания, как за торчащие из потока камни, цеплялся за сомнения: что будет дальше, чего мне ждать, как она отреагирует, если проснется?

И вдруг я почувствовал, что она реагирует. И охотно. Её тёплая попка стала двигаться мне навстречу сначала медленно, потом всё быстрее и острее. Я глубже уткнулся носом в упоительный аромат её волос, покрывая поцелуями затылок, шею под шелковыми завитками, плечи, ложбинку между лопаток, и, ещё крепче прижав её к себе, стал двигаться ей в такт, не забывая ласкать грудь и тереть напрягшийся сосок.

А она толкалась и тёрлась всё интенсивнее и вдруг прогнулась в пояснице, крепко уперлась своей чудной попкой в меня и замерла на секунду. Я почувствовал её нежные, но требовательные пальцы на своём одеревеневшем отростке, давно уже скользившем между её тёплых бедер, и в следующее мгновение она направила его в свою тесную горячую норку. О, блаженный миг! У меня вырвался стон. И несмотря на то, что полный контакт уже состоялся накануне, по крайней мере для меня, это ощущение оказалось так ново, так неожиданно, так вожаделенно и так сладостно, будто это и был первый раз.

Жаркий вихрь радости, наслаждения и острого желания подхватил меня, и я стал двигаться всё ритмичнее и быстрее, всё сильнее, проникая всё глубже. Она помогала мне встречным движением, постанывая и резко выдыхая. Я рывком повернул её на живот. Она уткнулась лицом в подушку, и её стоны стали едва слышны. Её чудные упругие круглые ягодицы трепетали в такт моим движениям, и это возбуждало так, что я почувствовал, что долго не протяну. Я перевернул её на спину, подхватил под колени, подтянул на себя, и уже войдя в неё, прижал её разведенные ноги коленями к её плечам. Я почувствовал, что как будто даже стал упираться во что-то упругое там, в глубине.

Мы страстно бились в этой позе, но очень недолго, буквально через полминуты она впилась ногтями мне в спину, закинула назад раскрасневшееся лицо с закрытыми глазами и вдруг издала такой вопль, что ко мне от неожиданности даже вернулось сознание. Она кричала, нет, она орала так, что в какой-то момент мне показалось, что соседи, верно, кинутся вызывать милицию, подумав, что у нас кого-то убивают. Но это был верх блаженства, причем для нас обоих. Что может быть большей наградой для мужчины, чем этот освобожденный вопль высшего удовольствия женщины? Это подобно счастью виртуоза, сумевшего извлечь из доверенного ему великим мастером совершенного уникального музыкального инструмента всю полноту, чистоту и гармонию великолепного звука, растворяющего в себе благодарного слушателя. Смычок взлетел в последний раз и упал. Овации!

Мы лежали, тяжело дыша, обнявшись, в испарине. Сердце замедляло свой бег, а меня омывало и снаружи, и изнутри ощущение тёплого и светлого вселенского счастья, счастья, какое только может испытывать мужчина в такую минуту, минуту полного растворения в доверчиво и благодарно прижимающейся к нему любимой и такой желанной женщине. Да, я любил её и желал её целых двадцать пять лет! Я иногда забывал об этом на годы, убирал подальше в сундуки своей памяти. Но это, как я теперь понимал, всегда было во мне и ждало своего часа. И вот, час настал.

Действительно, всем нашим желаниям суждено сбываться. И иногда при этом случаются моменты подлинного счастья. И так счастлив, как в тот миг, я, пожалуй, не был никогда в жизни. Тогда, лёжа рядом со своей сбывшейся мечтой, я даже и не думал, что это только первый, нет, формально второй, но, по сути, первый из сорока отведённых мне дней необыкновенного весеннего счастья. Да я вообще ни о чём не думал — мои мозги расплавились. Я растёкся в этом бездумном блаженстве, как блин по сковородке, и просто был счастлив, как идиот.

Это был день нашего настоящего знакомства друг с другом, открытия друг друга и притирки друг к другу. Потрясающий, великолепный день, который почти весь прошёл в постели. Совершенно незабываемый, волшебный день. День исполнения желаний.

День третий (12 апреля, воскресенье)

В воскресенье мы, наконец, очнулись, оторвались друг от друга, к моему великому сожалению, и приступили к тому, для чего она меня вызвала. Было решено посвятить день подготовке к непростому и длительному процессу разборки «дорогой итальянской мебели». Да, решено. В основном ею. Она, естественно, взяла в свои руки бразды правления всем рабочим процессом. Я не возражал и даже проявил энтузиазм и готовность приступить к делу прямо с утра, после завтрака.

Но, признаться, несмотря на уверенное, решительное руководство, полностью отдался конструктивному, вернее, «деконструктивному» труду никак не получалось. Всё, что происходило, даже самые простые будничные вещи, типа поиска отвёртки, обсуждения, с чего начать, и где, и как складывать детали разобранных объектов обстановки, происходило в какой-то мистической атмосфере ускользающей реальности и выпадения в странные состояния блаженной радости. По крайней мере для меня. Случайные и неслучайные прикосновения, продолжительные взгляды, короткие, но тесные объятия и недолгие, но прочувствованные поцелуи вырывали нас из будничной рутины. Но, как правило, ненадолго — она не теряла контроль и возвращала всё в нужное русло, на выбранные производственные рельсы. План есть план. План — это закон, говорили в ней годы жизни на неметчине. Сначала — работа по плану, потом — всё остальное.

Но кое-какие более-менее продолжительные перерывы всё же случались, конечно. Как ни крути, всякая женщина хочет, чтобы её любили. Каким бы панцирем себя ни окружала. Под самым крепким панцирем хоть серьезной деловитости, хоть испуганной настороженности всегда находится трепетная мягкая сущность. Как моллюск в раковинке. И он, а вернее, она, женщина, рано или поздно обязательно доверчиво раскроет свои жёсткие створки навстречу тёплому потоку искренней любви и выглянет наружу. А она была женщиной. И ещё какой женщиной!

Нам помогало ещё и то, что, к счастью, она обладала редким и очень ценным для мужчины качеством — у неё в арсенале была поза, в которой она приходила к финишу почти мгновенно. Чудом мне удалось открыть эту её особенность в первый же день нашей близости. Такое качество очень удобно для коротких соединений, когда на них не должно тратиться много времени и энергии. Нельзя же оставлять женщину неудовлетворённой, не доведя дело до конца просто из экономии времени!

Но разогрев, подготовка всё равно требовалась, конечно. А разогревом и служило наше постоянное тесное общение в замкнутом пространстве одной комнаты, наполненной волшебным электричеством взаимного желания. Да-да, взаимного, в том смысле, что и её желания тоже. Ей, очевидно, нравилось всё, что я делал, а я быстро понял, что ей нравится, и старался делать именно так, как ей хотелось. Кое до чего доходил эмпирическим путем, а кое-какие нюансы своих фантазий и желаний она озвучивала сама, становясь всё более свободной, легко избавляясь от остатков смущения. А я с восторгом открывал для себя неведомые мне прежде грани её женственности.

Как оказалось, она могла вести себя очень раскрепощённо и непринуждённо, как только может вести себя женщина, проникающаяся доверием к мужчине. И, похоже, эта возможность вести себя просто и естественно ей и самой нравилась, хотя, вероятно, и несколько удивляла, ибо подобная открытость была для неё необычна, она выходила за рамки привычных поведенческих стереотипов, усвоенных с детства: держать лицо и спину! Особенно удивительным было ещё и то, что эти метаморфозы начали происходить с ней очень быстро, буквально по прошествии одних суток. Думаю, она стала раскрываться, как бутон под солнцем, почувствовав искренность в моём отношении к ней, а чувствовать такие вещи умеет любая женщина.

Стала раскрываться как настоящая женщина, богато наделённая женственностью от природы. Возможно, не востребованной до сих пор. И мне рядом с ней, помимо того, что я наслаждался её непосредственной близостью, тоже становилось как-то легко и хорошо, как-то по-настоящему, по-мужски.

Да, мне казалось, я могу полностью раскрыть свою мужскую сущность без стеснения и без опаски быть неправильно понятым. В этом смысле я мог быть самым собой, и уже только это было большим счастьем. Так же и она могла быть сама собой и была сама собой, как мне казалось. И эта взаимная открытая естественность создавала неповторимую атмосферу понимания и даже временами какого-то энергетического слияния, что добавляло остроты ощущениям и повышало уровень наслаждения до невообразимых высот при нашем физическом соединении. И мы, не откладывая и не стесняясь, делились друг с другом своими ощущениями, ожиданиями, предпочтениями, желаниями и наблюдениями, что ещё больше увеличивало степень взаимной открытости и доверия, ещё больше сближало.

Как-то раз я применил палец для ласки её горошины во время активного соития в позе быстрого достижения ею высшего наслаждения и разрядки. Традиционный крик был особенно мощным, и потом она, прильнув ко мне, прошептала, что ей было так хорошо, что она и не подозревала, что вообще так может быть. Это ли не награда для любого, а тем более любящего мужчины! И впоследствии она сама просила повторять опыт с пальцем, и я, разумеется, охотно и, как мог, виртуозно выполнял её просьбы. К совместному удовольствию!

Ну а уж как мне с ней было хорошо, тут и говорить не приходится. Мне уж точно никогда и ни с кем не было так хорошо, ну хотя бы уже потому, что я никогда и никого, пожалуй, так не любил и не желал. Хотя любил я много и влюблялся часто. А может быть, и не любил, а только влюблялся? А любовь пребывала в анабиозной дрёме?

День четвертый (13 апреля, понедельник)

В этот день у нас была запланирована поездка за картоном на крупное предприятие, торговавшее немецкой бытовой техникой, где она работала до отъезда за рубеж. Она сохранила там много связей с нужными людьми и договорилась, что те помогут ей получить со склада, причём бесплатно, большие коробки из-под крупногабаритной техники типа холодильников, кухонных плит и стиральных машин, которые, как я думаю, всё равно подлежали утилизации. Я имею в виду коробки, конечно. Полагаю, что содержимое этих коробок выставлялось где-нибудь в торговых залах в виде образцов, а упаковка возвращалась в пункт хранения и сбрасывалась на склад.

В оговоренное время нас встретили на улице у офиса и сопроводили через закрытые для чужих ворота на мрачный пустой хоздвор к тяжелым наклонным поржавевшим и побитым железным дверцам люка цокольного помещения. Эти дверцы с противным скрипом раскрылись, и под ними оказалась широкая замызганная резиновая лента конвейера, на которую внизу, в глубине подвала, бросали сложенные, сплюсненные коробки из толстого гофрокартона, а я наверху во дворе должен был их принимать и укладывать в багажник своей «девятки», увеличенный за счёт откинутых вперёд спинок задних сидений.

Забив машину под крышу этими сложенными двухметровыми коробками, напивавшись характерным запахом подвала, мы тепло распрощались с нашими благодетелями и отправились в обратный путь к её дому на край Москвы.

У дома предстояла разгрузка машины и подъём обретенных материалов на одиннадцатый этаж. Благо лифт работал, но, правда, только маленький, пассажирский. Когда я, как муравей, партиями перетаскивал все здоровые картонные листы в квартиру, бережно прижимая наспех скреплённые у склада скотчем пачки к груди, там уже уютно пахло приготовленным ужином. Да, хозяйкой она была замечательной и готовила превосходно. Понимаю, почему её муж-австриец так за неё держался и, по её словам, просто боготворил, несмотря на вздорный характер. На столе уже стояла пара салатов, копченая рыбка и холодец. Из кухни тянуло жарящимися антрекотами.

Помывшись после грязной работы, я уселся за низкий столик, а она, по своему обыкновению, забралась с ногами в кресло с бокалом шампанского в руках. Она не ела поздно вечером и вообще в течение дня могла съесть какой-нибудь овощной салат и кусочек рыбы или курицы. Она заботилась о своей фигуре, и, надо сказать, эта забота великолепно отражалась на подтянутом, спортивном, без намека на целлюлит предмете заботы. Но чаще всего она ограничивала свой дневной рацион баночкой красной икры и бутылкой шампанского. Или двух. Шампанское она пила каждый день, весь день, потягивая его потихоньку, бокальчик за бокальчиком, начиная с обеда и заканчивая поздним вечером. С понятным результатом – к вечеру она была уже навеселе, расслаблена, эротически настроена, с влажными блестящими глазами, в которых я тонул и таял.

Да, шампанское было её излюбленным и повседневным напитком. Она покупала только брют и называла его почему-то «премия». Какая премия? За что ей премия? Нет, ну, может быть, я и нашел бы, за что ей присудить премию, и наверняка нашел бы, но вот что она имела в виду? Что-то тянулось из прошлого? Так и говорила мне, провожая с утра по делам и перечислив всё, что было необходимо купить в этот день к столу: «И не забудь для меня «премию», а лучше две!» Смеялась задорно и лукаво, целовала на прощание в прихожей, обдав смесью запахов каких-то своих особенных неповторимых духов и ментоловых сигарет, и закрывала за мной дверь, оставаясь в уютном пространстве своего гнездышка, потихоньку разоряемого нами, а мне надо было тащиться через весь город по своим занудным делам.

Но вечером была ещё дорога обратно, совершенно в другом настроении – в предчувствии и предвкушении, от которого начинало чаще биться сердце и хотелось мурлыкать какую-нибудь весёлую мелодию.

Но этот конкретный день, этот понедельник, мы целиком провели вместе в поездках, трудах и заботах. И заканчивался он за столиком, при притушенном свете, за ужином с антрекотом для меня и шампанским для неё. Лично я старался быть очень умеренным в шампанском. Как, впрочем, и в других алкогольных напитках. Во-первых, я и так пребывал всё время в каком-то полухмельном состоянии, просто от близости к ней, от её запаха, принимаемых ею безотчетно изящных поз, от её грации, её пластики, её немного скрипучего тихого голоса, а во-вторых, моя деятельность в ту пору, а главное, моя учеба, требовала ясного ума и хорошей памяти. И, главное, наши ежедневные любовные сближения, да ещё, случалось, и не по одному разу в день, требовали мобилизации всех физических мужских сил и здоровья, что было плохо совместимо с алкоголем. По этой же причине я налегал на антрекот.

Помимо всего, мне хотелось во всей полноте и яркости запомнить свои ощущения в эти дни, проведенные с нею, ибо разлука была неизбежна, часы были заведены и шли, неотвратимо приближая момент прощания. Это мы оба отчётливо понимали. Впрочем, насколько это волновало её, я не знаю. Мы никогда не говорили об этом, как и о будущем вообще. Думаю, мы оба понимали, что у нас нет общего будущего.

Однажды, уже позже, я всё-таки заикнулся о том, что было бы хорошо, если бы она осталась здесь, в Москве. Я, конечно, заранее знал, каков будет ответ, но я не мог, не имел права хотя бы не попробовать. Я потом никогда бы не простил себе этого. Да, результат был предсказуем. Но этот день от сегодняшнего отделял ещё целый огромный океан волшебных переживаний и радостного взаимного познания.

Вплывшая в комнату из-за тёмных холодных окон ночь принесла нам тепло взаимной нежности и тесное слияние в полудремотных объятьях двух тел, расслабленных после всех дневных трудов и сладких чувственных ласк.

День пятый (14 апреля, вторник)

С утра мы занялись разборкой привезённого картона, разрезанием коробок, превращением их в большие листы и доработкой плана предстоящих работ. И по развёрнутому ею плану получалось, что нам предстоит разобрать и упаковать в картон всю корпусную мебель, стоявшую в комнате, всю мягкую мебель, музыкальный центр, телевизор, осветительные приборы, прихожую, кое-что из кухонного оборудования, а также подготовить к перевозке холодильник и стиральную машину. Но их позже, разумеется. В самом конце. Мягко говоря, всё, всю обстановку. Но прежде всего – итальянскую коллекцию, установленную в комнате. И последним, что предстояло разобрать, был, конечно, диван, на котором мы спали и проводили свои лучшие часы.

Начали мы с того, что расчистили и освободили место в комнате для складирования упакованных деталей шкафов, буфета-серванта, комодов и прочего. Когда необходимые подготовительные работы были завершены, мы приступили к разборке самого громоздкого элемента мебели – трехстворчатого гардероба.

К счастью, она предусмотрительно запаслась довольно мощным полупрофессиональным инструментом – электрической аккумуляторной отверткой фирмы «Бош». К счастью для меня, потому что, оперируя я обычной отверткой, мои руки были бы вывернуты напрочь уже после первого часа выкручивания бесконечного количества шурупов-саморезов, скреплявших этого гиганта – крепкого и поистине надежного шедевра итальянского «мебельстроя». Настолько крепкого и надежного, что, думаю, в нём можно было бы пересидеть землетрясение и полное разрушение панельного дома и остаться целым и невредимым, если, конечно, закрыть поплотнее дверцы изнутри. Там, внутри, был даже свет. Прямо как в бункере-бомбоубежище.

Именно наличие света и заставило меня призадуматься, прежде чем взять в руки шуруповёрт. «Послушай, — сказал я ей, оглядывая шкаф со всех сторон, — тут ведь есть свет внутри, значит, должно быть подключение к сети. И значит, надо разбираться, как его отключить и где проходит проводка к потолку шкафа». Она на секунду задумалась, потом полезла куда-то вниз за шкаф и, судя по тому, что подсветка погасла, выдернула вилку провода, соединявшего шкаф с розеткой. «Замечательно, — порадовался я, — но есть еще и проводка внутри гардероба к крыше с лампочками. И когда будем снимать крышу...». Она снова задумалась и умчалась в кухню.

Через пару минут вернулась, сияя и неся в руках какие-то бумажки, и протянула их мне. На титульном листе первой же брошюры на трёх языках: итальянском, немецком и английском было что-то написано. Итальянский у меня в зачаточном состоянии, противный немецкий вообще — ноль, а вот по-английски, слава богу, читать умеем. И я прочитал: «Manual... Инструкция по сборке элементов мебельного гарнитура “Primavera Alpina”». Отлично! Надо же, сохранила инструкцию. Да-а, хозяйшка. Порядок и аккуратность.

Я развернул инструкцию, где были подробные картинки и минимум текста, нашёл страничку с гардеробом и обнаружил там нужную мне схему прокладки электрических проводов и места их соединения. Прекрасно! Теперь можно приступать к разборке. «А ты знаешь, — спросил я хозяйку, с усилием отодвигая махину шкафа от стены, — что “Primavera Alpina” по-итальянски значит «Альпийская Весна»? Так что нам предстоит окунуться в невероятные тайны итальянской, а точнее, альпийской Весны и познать её скрытые от глаз секреты. Внутреннего устройства. А что, весной в Альпах, когда зелёные луга покрываются яркими цветами, на них, надо полагать, выбегают порезвиться разные нимфы и фавны? Тебе доводилось там видеть их игры? А? Нимфа ты наша альпийская!» Она лукаво заулыбалась и взялась за угол шкафа, чтобы помочь мне.

Надо отдать ей должное, она принимала самое живое участие в разборке этого монстра, проявляя чудеса силы и выносливости, которые трудно было ожидать от такого нежного хрупкого создания, сотворённого природой, на мой взгляд, специально для неги и поцелуев. Без её помощи я бы не справился, особенно когда встала задача снять крышу шкафа, массивную и тяжелую, как крышка средневекового каменного саркофага, причем снять её надо было так, чтобы не развалились в разные стороны боковины шкафа, выворачивая штифты и крепёж, и, главное, чтобы эта плита не придавила меня, грохнувшись на мою бедовую головушку, и не разнесла всё вокруг в своём неукротимом падении.

Моя милая помощница вовремя подставляла своё хрупкое плечо, придерживала то, что надо, и тогда, когда это было надо. Она пыхтела и потела наравне со мной, время от времени отрываясь от работы, чтобы сделать пару глотков шампанского или выкурить тонкую ментоловую сигарету. Освежаться напитком, к счастью для меня, некурящего, ей требовалось чаще, чем затягиваться никотиновым дымом. Потом она возвращалась ко мне и к работе, и я сам начинал хмелеть от этой смеси запахов сигарет, шампанского, её разгоряченного тела и остатков парфюма.

Её близость, прикосновения, все эти запахи пробуждали во мне удивительное сочетание настроений: тёплой нежности, нарастающей электризации в предвкушении обладания её дорогим вспотевшим телом и необоримого желания тут же её схватить и завалить на диван. Просто голова шла кругом. Но нет, она мягко, но решительно пресекала мои попытки бросить работу и предаться любви — всё же прежде всего у неё было дело, а «баловство» потом. Всему своё время — по намеченному плану и по составленному ею графику.

Относилась ли она в те моменты к моим поползновениям поддаться искушению действительно как к баловству? Вполне возможно. Расписание важнее. Важнее спонтанных действий и спонтанных чувств. У меня были большие сомнения: способна ли она вообще на спонтанность и на глубокие чувства. Мы до сих пор ни слова не произнесли о любви, это было не нужно, с моей стороны это было очевидно и само собой разумеющимся, а с её...

Вечером она затеяла большую стирку и велела мне снять с себя всё — она заодно постирает и всё моё. Это было разумно и своевременно, я уже пять дней не был дома и не менял одежду. Впрочем, здесь, у неё, я большую часть времени проводил вовсе без одежды, и, скажем, джинсы могли ещё и подождать, но вот бельишко, пожалуй, пора было освежить. Та пара, что я предусмотрительно взял с собой из дома на смену, уже была использована. Она всё собрала, и джинсы тоже, и засунула в стиральную машину с вертикальной загрузкой, которой очень гордилась. Не понимаю, как можно гордиться стиральной машиной, но... Да, женщины, кто вас поймёт? Она вообще любила, чтобы стиральная машинка работала почаще. Поэтому её отключать и готовить к отправке планировалось тоже в последний день.

Итак, дневной план работы был выполнен, мы отдыхали, и во всём доме работала только стиральная машина. Она трудилась, старалась, гудела, крутила там что-то в своей утробе и тряслась время от времени то быстрее, то медленнее. Машина была большая, а ванная комната маленькая, поэтому места для неё там не нашлось, и машинка стояла снаружи в коридоре у самого входа в ванную. Из-за такой установки машины и пришлось отказаться от двери в ванную, заменив её на плотную занавесь из широких разноцветных пластиковых полос. Машина просто не дала бы двери открыться.

В какой-то момент моя милая подошла к машине, откинула крышку прямо во время её работы и доложила туда что-то, что забыла положить сразу. «Это одно из преимуществ этой машины», — с довольным видом гордо заявила она мне, захлопнув крышку своей замечательной трясущейся техники. Она стояла там в одном белье, в этом искреннем сиянии, в этой

смешной гордости, похлопывая ладошкой свою замечательную машинку, такая умилительно забавная, что я не выдержал, подошел к ней, обнял, прижал к себе и поймал губами её улыбку.

Она неожиданно охотно стала отвечать на поцелуй, часто задышала и прижалась ко мне. Я тут же почувствовал, как от её живой реакции желание жаркой волной разливается в моём теле, и мой поцелуй из мимолетной ласки превратился в горячую прелюдию. Так как на мне уже ничего не было, всё крутилось в машине, то мне оставалось только стащить с неё голубые трусики и лифчик.

Прелюдия была недолгой и пылкой, и уже через пару минут я взял её подмышки и, приподняв, усадил прямо на гудящую стиральную машину, которая так удачно подошла для нашей затеи: мне не потребовалось ни сгибать колени, ни привставать на цыпочки, всё находилось именно на той высоте, что надо. А если ещё учесть, что машина под её попой время от времени начинала трястись и вибрировать, добавляя дополнительные восхитительные ощущения нам обоим, то станет понятно, что как нам ни хотелось затянуть этот сладчайший процесс, но новизна и острота ощущений довольно быстро вытрясли из нас желанный результат.

Позже, лёжа рядом с ней под одеялом, чувствуя тепло и нежность её кожи, я в очередной раз задумался, как всё-таки замечательно, но незамысловато устроена эта механика получения высшего наслаждения. Простое соприкосновение рецепторов эпителия и движение их друг относительно друга, поднимая степень их раздражения до предела, повышает общее нервное возбуждение и доводит его до высшей точки и дальше, за неё — до катарсиса, взрыва, высвобождения, выплеска чувственной энергии в высшем наслаждении и удовлетворении. А потом рецепторы тупеют и отдыхают.

Но разве этим простым, незамысловатым процессом, этой медовой приманкой природы исчерпывается то мощное чувство, которое бросает нас в объятия друг к другу, рождает ощущение единения, глубокой привязанности, приводящей порой к самопожертвованию, то есть отказа от самого дорогого, что есть у живого существа, — от самой жизни, ради любви и любимого человека? Да, поначалу нас привлекает внешность нашего потенциального партнера. Тонкое, бессознательное восприятие гармонии и того, что мы, мужчины, называем женской красотой — эти восхитительные линии, изгибы, бугорки и впадинки. Эти глаза, черты лица, его выражение, наконец.

Но ведь неспроста так удивительно приспособлены тела мужчин и женщин друг к другу и так потрясающе устроены для того, чтобы получать различные виды удовольствий друг от друга, да и от этого мира вообще. Но не может же быть эта взаимная тяга мужчин и женщин обусловлена только идеально продуманным устройством их тел, только простыми законами природы, озабоченной продолжением рода человеческого на Земле. Неужели влечение к предмету любви, неодолимое желание познать его, оказывается простой физиологией, простой биохимической реакцией нашего тела, элементарным выбросом в кровь соответствующих гормонов, рожающих неконтролируемое желание и позыв плоти? Ха, и моя не остывающая на протяжении двадцати пяти лет тяга к этому лежащему рядом чуду — тоже всего лишь выброс гормонов?

Гормоны толкают нас, и мы без оглядки отдаемся вихрю страсти, открываемся для новых знакомств, выходим на поиски любви, новых партнеров, новых впечатлений? Биохимия заставляет нас создавать иллюзию уникальности и неповторимости встреченной нами новой возлюбленной и нырять с головой в эту иллюзию? Кружиться в безумном вихре желаний, тонуть в море сладких фантазий, томных мечтаний? Заставляет забыть обо всём в стремлении к этому новому непознанному очаровательному телу, которое неодолимо влечёт и манит, зовёт прикоснуться к нему, потрогать, прижать к себе? И снова и снова терять голову от божественной красоты этих линий, изгибов и безупречных пропорций?

Тело, тело... Но неужели дело только в нём? Да, безусловно, прежде всего нас привлекает тело, внешность! А что с внутренним миром? Что с эмоциональной сферой? С той самой глубокой привязанностью? С проникновением и приятием личности партнера во всей его вселенской сложности? Как и когда это происходит, если происходит, и почему один сохраняет живую увлеченность партнером и глубокую нежную привязанность к нему на протяжении всей жизни, а другой уже через полгода утрачивают всякий интерес к этой ещё недавно казавшейся «уникальной и неповторимой, единственной на всю оставшуюся жизнь», без которой эту жизнь несколько месяцев назад и представить было невозможно? Казалось, вот отними её у меня, и я просто лягу и умру от горя, отчаяния, обездоленности и бессмысленности дальнейшего существования! Отчего это? Где искать правильное понимание? В области совпадения систем ценностей, взглядов, отношения к жизни? В совпадении тонких гармонических вибраций? В том, что называется умным термином «психологическая конгруэнтность»?

Ну вот взять меня с ней, хотя бы. Ведь очевидно, что мы очень разные, что у нас не совпадают ни системы ценностей, ни взгляды, ни отношение к жизни. А ведь, по ощущению, дороже неё у меня теперь ничего нет. Так в чём же дело? В чём магия? Где коренится эта связь, эта мощная привязанность? Неужели только в сфере секса? Конечно нет, это я точно чувствую. Иначе бы моя школьная влюблённость, та моя волшебная подростковая тяга к ней, мой юношеский гештальт был бы уже завершён после первой же ночи. Ну, максимум, двух. Что в ней есть такого, что делает её для меня бесценной, незаменимой, единственно желанной? Что отличает её от всех остальных? Соответствие неосознаваемому идеалу, пришедшему из глубокого детства? Из прошлой жизни? Что это? Рок, судьба, фатум, карма?

За окном над чёрным лесом за МКАД, как большой белый фонарь, висела луна. Луна, Лилит, хранительница женской энергии, женской магии, женских тайн. Её мягкий молочный свет падал на пол спальни, на белёсый картон коробок, на постель и на щёку моей бесконечно желанной. Она уже спала, уютно посапывая. Я приподнялся и осторожно, чтобы не потревожить, поцеловал шёлковый завиток на её виске: «Спи, родная, спи, моя милая, спи, моя любимая, спи, моя неразгаданная тайна жизни...»

День шестой (15 апреля, среда)

В то утро я уехал от неё пораньше – днём мне предстояла встреча с клиентом, которая занимала полтора часа чистого рабочего времени, а потом надо было ещё попасть в институт. Да и к себе домой надо было заскочить. Переодеться и вообще... Когда я вернулся обратно к ней, было уже довольно поздно. Поэтому мы постарались завершить то, что не успели доделать вчера. А вернее, просто бросили, потому что надоело и моральные силы закончились.

Впрочем, оставалось сделать не так уж и много – размонтировать пару стенок гардероба и упаковать их в картон. И, конечно, написать на упаковке – что здесь находится. В этом она была весьма скрупулёзна – учёт и контроль! Затем она вносила соответствующую запись в специальный блокнот, где велась опись и нумерация коробок с собранными деталями мебели и крепежом.

Мы расправились с этой работой довольно быстро: она придерживала стенки, пока я раскручивал саморезы и мебельные болты, потом мы вместе на «раз-два-три» выдергивали стенку со штифтами из пазов в днище и аккуратно переносили эту тяжелую, как чугун, плиту на заранее разложенный лист картона. С усилием и хрустом оборачивали драгоценную полированную панель жёстким толстым картоном, бережно закрывая со всех сторон, но оставляя по краям запас внутреннего пространства, чтобы предохранить от повреждения острые грани и углы.

А потом готовый, тяжелый, двухметровый сверток я начинал осторожно приподнимать, поворачивать и ставить вертикально, пока она ползала вокруг на четвереньках в легкой белой футболке и своих неперменных, обтягивавших её круглую попку и аппетитные бёдра лосинах (в тот день они были бордового цвета) и трещала скотчем, чтобы зафиксировать толстую картонную обёртку и превратить её в надежную, плотную плоскую коробку. Закончив, она поднималась на ноги, откидывала сгибом кисти упавшую на лицо прядь своих светлых, ровно подстриженных волос и смотрела удовлетворённо и довольно на конечный результат нашего совместного труда, на это незамысловатое, но ровное и изящное произведение упаковочного искусства. А я с обожанием любовался ею.

Она поворачивала голову и с тем же довольным видом смотрела на меня своими тёмными блестящими глазами и тянула свои пухлые губки для благодарного поцелуя. Меня снова обдавало смесью её несравненных запахов, а изнутри поднималась горячая волна нежности, желания и тихого счастья. Затем мы брали упакованную деталь и аккуратно укладывали у стены на стопку деталей, упакованных раньше. Она вооружалась толстым чёрным фломастером и крупно писала на картоне, что здесь упаковано. Потом надписывала на упаковке её номер и заносила этот номер и краткие данные по содержанию этой коробки в свой блокнот в зелёном коленкором переплёте.

Когда все стенки гардероба по одной таким образом были убраны в картон, надписаны её крепкой уверенной ручкой и сложены в стопку, она повалилась в кресло и закурила сигаретку, чтобы передохнуть. Мы с тоской посмотрели на оставшееся на полу титаническое днище шкафа и решили, что, пожалуй, пора поужинать, а снимать эту мощную плиту с толстых коротких ножек, ворочать её и упаковывать мы будем уже завтра. Надо поберечь силы – они нам сегодня ещё могут понадобиться. И мы с пониманием переглянулись.

Вообще, это было удивительно, как мы научились понимать друг друга с полуслова, а часто и вовсе без слов, с полувзгляда. То ли мы так совпадали в наших желаниях и намерениях, то ли между нами протянулась тонкая нить телепатии. Но как это возможно? Мы не провели вместе и недели! Ну, не считая предыдущего общения в школе и редких эпизодов потом, но совершенно иного качества. По идее, так могут быть связаны пониманием две души, давно и полностью открытые друг для друга, полностью доверяющие друг другу и, возможно, уже даже слитые друг с другом в единое целое. Хорошо, пусть только своими частями, пусть только

прозрачными, мерцающими, как тончайшие мыльные пузыри, пульсирующими и переливающимися краями, но сцепленные в неразрывное целое. А мы? Разве мы могли быть неразрывным целым?

Чтобы сэкономить время для скорейшего перехода к ужину, мы решили отправиться в душ вместе. Правда, с точки зрения экономии времени это решение оказалось принципиально неверным. В душе мы довольно быстро вообще потеряли ощущение времени. Оно было оттеснено на второй план более яркими и сильными ощущениями. Начать с того, что мы принялись друг друга намыливать. Уделяя особое внимание предметам общего пользования. К чему это привело, можно представить себе довольно ясно.

Я быстро и тщательно намылил её всю душистым гелем, и её кожа стала скользкой, блестящей и маслянистой, как у русалки, а потом принялся поливать её душем, и маслянистая плёнка стала вспениваться и сползать белыми пузырями, высвобождая притаившиеся на боках милые тёмные родинки, обтекая грудь и овальные коричневые соски, которые я, не в состоянии совладать с собой, тут же начал целовать, прикусывать и тереть языком. А потом, естественно, стал опускаться ниже – к мягкому животу, засунул язык в пупок и скользнул ещё ниже к шёлковой поросли на заветном бугорке.

Тут она, ожидаемо, прихватила мою голову и попыталась пресечь мои поползновения. Но я решил проявить настойчивость и таки просунул язык между валиков, на которые раздвигался её бугорок. Она сильнее сжала мою голову: «Не надо, прошу тебя. Не порти всё...» Я посмотрел вверх на её склоненное надо мной мокрое лицо. По её плечам и животу бежали струйки воды из душа. Я стал собирать их с её живота в рот и выпускать тонкой острой струей, целясь между валиками прямо в розовую раковину. Она засмеялась: «Щекотно!», потом затихла, закрыла глаза, и её ноздри стали ритмично раздуваться – нравится! Я продолжал набирать воду в рот и выстреливать тонкой струйкой на лепестки её приоткрывшегося нежного розового цветка.

Слышу — она стала дышать быстрее, а потом вздрагивать и постанывать, не открывая глаз и не выпуская мою голову из своих ладоней, поглаживая её пальцами, которые запустила в мокрые волосы. Я встал с колен. Она открыла глаза, улыбнулась, выдавила из флакона немного геля себе в руку и стала растирать его по моим плечам, груди, бокам и животу своей скользкой нежной ладошкой. Особенно нежной ладошка стала, когда она добралась до моего радостно и бодро ждущего своего часа хозяйства. Решив, что намыливать довольно, она направила на мою голову, плечи и грудь струи душа, а потом стала поливать живот и то, что было ниже, время от времени переводя струи и себе на грудь.

Вдруг она повернулась, закрепила душ в держателе и, быстро опустившись на колени, наделась своим горячим ротиком на то, что давно застыло в приветственной стойке. Я чувствовал, как она работает, трепещет и крутит своим языком. Больше я терпеть не мог. Я поднял её за подмышки на ноги, обнял, благодарно и возбуждённо нашёл её губы, а мой мокрый, изрядно раззадоренный агрессор заскользил между её бёдер. Она прижалась ко мне, обхватив за шею. Потом подняла одну ногу и поставила её на бортик ванны, и я, принимая приглашение, попытался подобраться к её зовущей норке, но получалось не очень успешно.

Тогда я подхватил её ногу под колено и, задрав его повыше, прижал к своему плечу. Она крепче обхватила меня, чтобы удержаться на одной ноге. Эта позиция оказалась более удобной для соединения, но всё равно получалось неглубоко и как-то неудобно, нескладно и неустойчиво. В какой-то момент, увлечённые активным процессом, мы потеряли контроль баланса, и наша зыбкая трехногая конструкция покачнулась.

Моя чудная «аистиха» от неожиданности айкнула, ухватила за занавеску ванны и сорвала её с нескольких крючков.

Тогда я отпустил её колено, решительно развернул спиной к себе, наклонил вперёд и, изнемогая от желания, толчком проник в её влажные горячие глубины на всю длину до упора. Это уже другое дело — это уже гораздо лучше! Она охнула и громко застонала. По её шее и плечам барабанили тугие струи душа, от которых на мой живот летели брызги, собиравшиеся в струйки и стекавшие вниз между её булочек, щекоча всё, что встречалось там на их пути. Мы были оба так перевозбуждены, что быстро и одновременно пришли к финишу. Она, как обычно, заявив об этом громко, прозвучав необычайно красиво и объемно, благодаря особенностям ванной акустики, я поскромнее и потише.

Когда мы вытирали друг друга полотенцами, я заметил, что она чем-то озабочена. Я спросил: «Что случилось? Надеюсь, это не из-за оторванной занавески?» Оказалось, она была озабочена тем, что этот день мог быть для неё небезопасным. Как бы чего не вышло! Выйдя из ванны, она достала свой календарик и, сверившись с ним, покачала головой — день был на грани, вероятность была невелика, но существовала. Ладно, бог не выдаст, свинья не съест!

«А знаешь, — сказал я ей тихо, — в сущности, я был бы рад, если бы ты родила мне сыночка». Она посмотрела на меня серьезно и как-то рассеянно-грустно и снова молча покачала головой. Мы накинули халаты, и я блаженно и расслабленно завалился в кресло у стола, с наслаждением наблюдая, как моя сладкая девочка в белом халатике проворно накрывала уже готовый ужин. Помогать себе в этом она не разрешала: «Не мешай, сиди и жди!». Это была исключительно её прерогатива. Хозяйка и женщина до мозга костей!

Покончив с ужином, мы убрали со стола (тут моя помощь принималась), загрузили тарелки и приборы в посудомоечную машину, заварили чай, и она, по обыкновению, устроилась в кресле с бокалом пускавшего пузырьки шампанского, уютно свернувшись клубочком, как кошечка, поджав под себя ножки. При этом её круглые гладкие коленки соблазнительно высунулись из разреза халата, и на них играли и поблескивали тёплые оранжевые отсветы торшера. Я покосился на них, ощутил лёгкое волнение и попросил её поднять одно колено и отставить его как можно дальше. Она засмеялась, лукаво сверкая на меня своими чудными глазками, но мою просьбу выполнила — медленно подняла и отвела в сторону колено, открыв мне на обозрение в глубинах подхалатья тёмную тень со сверкнувшей посередине неё розовой щёлкой, и, выждав пару секунд, вернула колено в исходное положение, положив его на другое, которое оставалось на сиденье кресла.

«Ну что, шалун? Довольно? Ты, оказывается, любишь подглядывать?» — озорно прищурилась она и тихо загукала, и захихикала. «Все мужчины любят подглядывать, — ответил я, стараясь сохранять спокойный вид. — А ещё я люблю не только подглядывать, но и целовать эту чудную штучку. Но, увы, ты отказываешь мне в этом удовольствии». Она поднесла бокал к губам, а потом сказала задумчиво: «Да, мне это не очень нравится почему-то. Вернее, совсем не нравится. Это странно?»

«Да, пожалуй. Ты в этом уникальна. Правда, признаться, я тоже не нахожу ничего особенно потрясающего, когда меня там ласкают ртом. Хотя большинство мужчин это обожает. А меня это не очень заводит. Ну да, приятно, но и только. Мне необходимо быть в активной позиции, вести танец, так сказать. Для меня гораздо важнее доставить удовольствие своей партнерше, и именно в этом я вижу главное для себя удовольствие. В общении с женщиной, я говорю о тебе, моя милая, мне не так интересны свои ощущения, как интересны твои реакции на мои действия. Для меня, сладкая моя, не так уж и важно получать удовольствие просто на физическом, телесном уровне от контакта с тобой, с твоим телом, моя восхитительная.

Нет, это, конечно, потрясающе, но, если подумать, это, по сути, просто реакции моих рецепторов, а вот стараться проявить и наблюдать за твоими реакциями, милая моя, за тем, как отзываешься ты, как подобно удивительному музыкальному инструменту отзывается твоё тело — вот это ни с чем не сравнимое удовольствие. Наслаждение! Причём наслаждение сразу и

физическое, и эмоциональное, и эстетическое. Это настоящее блаженство! Это какой-то водопад, это симфония невероятных ощущений, обрушивающихся на меня от твоих неконтролируемых реакций, милая, от трепета и звучания твоего женского естества, от его восхитительных проявлений! И сама возможность прикоснуться к твоей природной женской, божественной сути, это ли не величайшее наслаждение и счастье! Ты меня понимаешь?»

Она давно уже поставила пустой бокал на столик, сидела, откинувшись на спинку кресла, и заворожённо смотрела на меня. Я не был уверен, что она поняла всё, что я тут горячо старался объяснить. Но в этом её взгляде, в этих глубоких, чёрных, бездонных, бархатных глазах было столько тепла, трепета, благодарности и обволакивающей любви, что я тут же забыл о своих рассуждениях и умозаключениях. Я выскользнул из кресла и опустился перед ней на колени.

Она сидела всё так же полубоком, подсунув под себя ноги и положив одно согнутое колено на другое. Я откинул полу её белого махрового халата, прильнул губами к её шелковому бедру, а потом решительно поднял её правое колено, лежавшее на левом, и отодвинул его в сторону. Мне снова открылась та заманчивая картина, которую она мне демонстрировала несколько минут назад. Я начал покрывать поцелуями тёплую нежную кожу внутренней поверхности её бёдер, перенося свои губы с одного бедра на другое, приближаясь с каждым поцелуем всё ближе и ближе к заветному местечку.

Соблазн согреть своим дыханием эту розовую раковину был велик, но я знал наперёд реакцию её хозяйки. Господи, но вот почему ей это не нравится? Впрочем, я уже тогда догадывался, в чём дело, а чуть позже мне довелось убедиться в правильности своих предположений. Она, очевидно, находила в этом некое унижение для партнёра или, скорее, некое возвышение над ним, а она любит, когда мужчина главенствует и даже берёт её силой, а она предстаёт безвольной, покорной жертвой, у которой просто нет выбора.

Но в тот момент моё внимание было далеко от умозаключений и было занято другим. Я нежно коснулся пальцами и начал ласкать её там, где не разрешались ласки языком. Она была горячее и уже влажной. Я встал с колен. Я тоже снова чувствовал возбуждение, проявлявшееся с очевидностью меж приоткрывшихся пол халата, который я тут же не замедлил скинуть. Она тихо засмеялась и откинулась на спинку кресла. Я подхватил её под колени, рывком подтянул её попу поближе к краю сиденья (она при этом ойкнула и раздула ноздри — ей нравились подобные решительные действия), развёл её ноги пошире и склонился над ней, упёршись ладонями в подлокотники кресла. Её колени оказались прижатыми к её груди, а она сама — прижатой к креслу.

Я нарочито медленно погрузился в её жаркие плотные влажные глубины, прежде чем раскататься в нарастающем активном движении. Через несколько минут она огласила комнату своим неподражаемым победным криком. Мне же самому потребовалось в этот раз времени немного больше, чтобы дойти до конечной черты, но так как позу мы не меняли, а это фактически была поза её финала, то этот финал и этот крик случились ещё несколько раз, прежде чем я привалился на неё в изнеможении глубокого удовлетворения и светлого спокойного счастья, после обрушившегося на меня сильнейшего наслаждения.

Я отпустил её ноги, которые она с явным облегчением гулко уронила пятками на пол, скользнув ими по моим бёдрам, и уткнулся лбом в её мокрый лоб, стараясь не сильно вдавливать её голову в толстую спинку кресла. Я смотрел в упор на её раскрасневшееся, покрытое росинками пота лицо, закрытые глаза и вздымавшуюся от ещё не успокоившегося дыхания порозовевшую грудь. Как же она была прекрасна! Девушка моя красная! Ей всегда удавалось оставаться поразительно и естественно красивой. Даже в такой неудобной, неестественной позе. Думаю, это одно из проявлений того качества, которое называется «женственность». «Чудо моё, — я нежно прикоснулся губами к её прикрытым, подрагивающим векам и пушистым ресницам, — похоже, нам опять надо сходить в душ. Я заодно посмотрю, целы ли крючки и можно ли поправить занавеску...»

День седьмой (16 апреля, четверг)

Когда я приехал к ней вечером после занятий в институте, то сразу приступил к разборке днища гардероба, пока она занималась ужином. Там оказалась пара хитрых мебельных крепежных приспособлений, и нужно было найти правильное положение болта относительно вкладыша, чтобы разомкнуть замок и вывести ножку из зацепления с днищем. При этом нужен был еще специнструмент, который, по недолгому размышлению, мне удалось с успехом заменить большой отверткой с очень широким жалом, каким-то чудом оказавшейся у неё в наборе инструментов. Ох уж эти мне итальянцы! А вдобавок, для крепости, были ещё предусмотрены дополнительные четыре солидные самореза на каждую ножку.

Разобравшись с итальянскими хитростями и разложив по коробочкам крепёжные детали, мы, попыхтев, спеленали картоном тяжёлое массивное днище, вздохнули с облегчением, поцеловались на радостях, поздравив с окончанием разборки монстроподобного гардероба, и отправились в душ. На этот раз – по очереди.

Закончив ужин, сидя в кресле, как обычно в своей излюбленной позе кошечки, с бокалом в руке, она рассказала мне, что пока меня не было, постаралась сама отвинтить ножки от днища шкафа, но так и не поняла, как устроено это чёртово крепление, и только придавила себе палец на ноге, когда попробовала поставить днище на бок.

«О боже! И где же этот несчастный малыш? Покажи мне его. Я его поцелую, и всё пройдет!» — с энтузиазмом воскликнул я. Она со своей бесподобной озорной улыбкой тут же выпростала из-под себя и белого банного халата левую ножку с пострадавшим пальцем и выложила её на подлокотник моего кресла. Я сразу определил в ряду тонких изящных розовых пальцев беднягу по припухшему синему обрамлению ногтя, покрытого светлым лаком, взял ступню в руки и осторожно прикоснулся губами к симпатичному посиневшему малышу.

Поцеловав его нежно ещё несколько раз, я подул на него, чтобы немного охладить. «Легче стало?» — спросил я, не поднимая головы. «Да, очень хорошо. Спасибо!» — томно прошелестела она. Тогда я решил побаловать и соседний мизинец, который явно выглядел обиженным и тоже ждал ласки. Я так же нежно поцеловал и его. Потом вернулся к пострадавшему и проделал лечебную процедуру ещё раз. Но теперь, после всего, я ещё и обхватил его губами и пощекотал языком.

Рассудив, что этому малышу я уделил достаточно времени, я перенёс внимание на соседний, двинувшись дальше по ряду, и проделал с ним всё то же самое. Когда я таким образом добрался до большого, она сидела, откинув голову на спинку кресла и закрыв глаза. Я чувствовал, что ей составляет немалого труда удерживать стопу, чтобы та не дрожала от волнения. Я вылез из своего кресла, встал на колени перед ней и аккуратно уложил её другую ногу на правый подлокотник её кресла. Откинул полы халата и обнажил её снизу до пояса, то есть до пояса, которым был подвязан халат. «Дежавю, — промелькнуло в голове. — Прямо повторение вчерашнего дня!» Она так же полулежит в кресле, откинув голову и раскинув ноги, а я, насладившись откровенным бесстыдным видом возжеланных прелестей, вновь приникаю губами к тёплой внутренней поверхности её гладкого бедра.

Как передать это ощущение, этот щекочущий озноб, пробегающий вверх по спине вдоль позвоночника, когда ты прикасаешься губами к этому бархатному тёплому бедру, как описать этот дурман от запаха кожи, уносящий сознание куда-то прочь и превращающий тебя в одно большое жаркое пульсирующее облако желания и неги? В голове успевает проскользнуть мысль: кто так чудесно устроил это тело, эту кожу, этот шёлк и негу? И тут же и она улетает, оставив только трепет и безмыслие, пульсирующий вакуум, который заполняется ощущением нежности, трепета, радости, предвкушения и горячего желания.

И вот уже без участия сознания ладонь сама мягко ложится на кудрявый бугорок и начинает слегка сжиматься и разжиматься, сжиматься и разжиматься, и немного двигаться влево-вправо, вправо-влево, то придавливая, то отпуская бугорок уже там, где он раздвоился на пару нежных валиков. И вот уже её бедра и таз начинают покачиваться в такт твоей руке и подаваться немного вперед, навстречу горячей ладони, и опускаться обратно всё с большей амплитудой, всё сильнее, всё страстнее и чувственнее. И под твоими губами, продвигающимися неторопливо то вниз к колену, то затем опять вверх к горячей складке бедра, к этой ложбинке, к месту соединения, слияния бедра и нежных бугорков, живая, тёплая, упругая плоть начинает напрягаться и подрагивать.

И вот откуда-то издалека доносится вздох и тихий стон, стон возбуждения, предвкушения, ожидания и наслаждения. Мне нравится, как звучит женщина, это звуки вселенской гармонии, это музыка небесных сфер для мужского уха! Эти звуки возбуждают и распалют желание даже больше, чем этот нежный гладкий шёлк под губами, мягкая плоть под ладонью и смесь запахов духов, тёплой кожи, геля для душа и нектара её розового цветка.

А ты продолжаешь двигать пальцами, слегка раздвигая в стороны эти набухшие валики, эти раскрывшиеся створки, эти горячие губки, то увеличивая нажим, то ослабляя, немного по окружности и снова вверх и вниз. И твои ставшие влажными пальцы раздвигают шире налившиеся желанием створки трепещущей раковины, а средний палец проваливается и скользит между ними, раздвигая нежную трепетную ткань тонких розовых лепестков, и ты гладишь их и между ними, и скользишь ниже к мягкой ямке, открывающейся в жаркие внутренние чертоги, и немного проникаешь туда самым кончиком среднего пальца, только на секунду, чтобы подразнить, и снова скользишь пальцем вверх, раздвигая лепестки, и касаешься набухшей горошины, и слегка играешь ею, двигая кончиком пальца по окружности и вверх-вниз сначала медленно, потом всё быстрее.

Затем оставляешь разгорячённую горошину и снова скользишь вниз ко входу в райские кущи. И, господи, как нестерпимо хочется прильнуть ртом к этому горячему цветку и проделывать всё это языком! Сколько возможностей, сколько тончайших нюансов ласки это могло бы открыть! Но нет – она тут же отшатнётся и решительно прервёт контакт. Уже проходили. Поэтому приходится вкладывать всю нежность в пальцы.

А она дышит возбуждённо и всё громче стонет, и всё активнее подаётся тазом навстречу и в стороны, и вверх, и вниз, и уже теряет контроль, и таз движется сам по себе, то плавно, то резко, и тогда ты прекращаешь эти дразнящие ласки и, приподнявшись, нависаешь над ней и, распахнув верх халата, выпускаешь на волю её прекрасные податливо-упругие холмы с тёмными сосками и захватываешь губами тугую коричневую изюмину и ореол вокруг него – жёстко, как она любит, потом затягиваешь всё это и посасываешь, и мягко пожёвываешь, и начинаешь быстро-быстро тереть языком, и когда она прихватывает тебя за затылок и со стоном прижимает твой рот к своей груди, ты неожиданно одним мощным движением проникаешь своим «нефритовым стержнем» в её разгорячённое, влажное, ждущее и зовущее, изнемогающее от желания лоно.

Это исторгает из неё протяжный стон и, если повезёт, даже нечто вроде громкого «ох» от приятной желанной неожиданности. Она обхватывает тебя руками и двигается тебе навстречу низом живота, желая захватить и принять твой стержень как можно глубже. И вы сливаетесь в общем ритме и общем блаженстве, растворяясь друг в друге, крича, издавая стоны и глядя, и трогая, и сжимая друг друга, и всё сущее, вся вселенная, всё сосредоточено в этом слиянии, в этом движении, в этом сладчайшем скольжении друг в друге.

Когда всё было закончено, жар тел начал утихать, и стало возможным разъять единое целое на две истомлённые половины, и вернулась способность логического мышления, то откуда-то вдруг, почему-то со странной настойчивостью, опять всплыло простое рассуждение:

но ведь если разобраться, с точки зрения простой механики и физиологии, что же такое происходит во время этого кажущегося божественным процесса, уносящего нас на небеса? А происходит всего лишь стимулирование тактильных рецепторов эпителия за счет трения одного эпителия о другой при ритмичном поступательном движении. И всё! Но в этой простоте и есть высшее физическое наслаждение от слияния друг с другом. Ну, если отбросить все другие вторичные ощущения: визуальные, обонятельные, аудиальные, вкусовые и тактильные внешних кожных покровов, говоря медицинским языком.

А теперь представьте, что эти самые главные, самые чувствительные, трепетные, влажные рецепторы отделены друг от друга резинкой. Этой идиотской резинкой презерватива! Что тут можно почувствовать? Где тут этот тончайший контакт буквально на молекулярном уровне, гладких поверхностей? В чём тогда смысл желанного слияния двух этих тёплых пульсирующих, геометрически выверенных и идеально приспособленных друг для друга элементов наших тел?

Господи, и почему я вдруг вспомнил сейчас про презервативы? А-а-а, да ведь утром, собираясь в институт, я укладывал кое-какие бумаги в кейс, и из-за клапана верхней крышки случайно вывернулась забытая пачечка презервативов, купленных на всякий случай в первый день моего приезда к ней и которые, к моему великому счастью, так и не понадобились. И именно тогда, когда я вертел эту пачку в руках, примеряясь, как бы засунуть её подальше и понадежнее обратно за клапан, у меня и промелькнуло в голове это рассуждение. Промелькнуло и пропало. А вот теперь оно так ярко и отчетливо вернулось. И очень отчетливо. Но зачем?

День восьмой (17 апреля, пятница)

В этот день мне не нужно было никуда ехать, можно было полностью посвятить его нашей работе по разборке, и поэтому предполагалось, что день пройдёт весьма продуктивно. Прямо с утра мы, вдохновившись богатой яичницей с помидорами, а кто-то ещё и парочкой бокалов брюта, приступили к разборке сиявшего хрусталем буфета-серванта со стеклянными дверцами и стеклянными же полочками.

Мы проклеили скотчем понадёжней швы специально запасённых небольших коробок, она тщательно проложила днище и стенки какими-то своими пледами, и мы принялись разгружать сервант от тонкого стекла, хрусталя и фарфора, оборачивать каждый предмет пузырячатой плёнкой, старыми деловыми бумагами и газетами и аккуратно и плотно, чтобы не билось друг об друга, складывать всё это в подготовленные коробки. Работа была кропотливой, требовала большого внимания и осторожности, поэтому довольно быстро мне надоела, да и спина начала гудеть от постоянной согбенности. Надо было сделать перерыв, отвлечься и размяться.

А она работала как заведённая. И как это женщины часами способны выполнять такую монотонную и однообразную работу, да ещё и в такой неудобной позе? Я предложил сделать «перекур» и, возможно, поменять позу. Радикально. Она засмеялась лукаво, покачала пальчиком, но от перекура не отказалась и забралась в кресло с сигаретой. Я тоже присел в кресло рядом, взял её за руку, свободную от сигареты, и спросил: «Скажи, ты не хочешь куда-нибудь выйти? Сегодня пятница, можем сходить в кино у метро, а заодно зайдём в магазин, пополним припасы продуктов, а главное, прикупим тебе «премию»?» Она посмотрела сквозь сизый дымок сигареты, чуть прищурившись, и проворковала, с присущим ей легким поскрипыванием в голосе: «Если успеем. Нам сегодня обязательно надо закончить разборку серванта!»

Она решительно раздавила сигарету в пепельнице и стала выбираться из кресла: «Кстати, я вспомнила, надо ещё упаковать кое-что из столовых приборов». Я пытался придержать её руку в расчёте на то, что пауза затянется и затем можно будет размять наши спины на диване. Но она мягко высвободила руку, улыбнулась, чмокнула меня в щёку и направилась в кухню. Да, план-график работ – прежде всего! Я вздохнул и тоже вылез из кресла. Надо было принести из прихожей ещё пару сложенных коробок и подготовить их к приёму оставшегося содержимого серванта.

Я переносил сложенные картонные коробки из предбанника и прихожей в комнату и проходил мимо двери в кухню. А в кухне напротив двери стояла длинная лавка-банкетка с откидывающимся сиденьем, в объёмных внутренностях которой хранилась всякая кухонная утварь: половники, сковородки, ложки и даже, как будто, полотенца. Она копалась в недрах этой банкетки, нагнувшись, отбирая, что из приборов взять с собой в Австрию, а что оставить здесь. Я остановился полюбоваться этим чудным видом сзади и ещё раз поразился, как это женщины могут так подолгу стоять в такой неудобной позе, что работая по дому, что на огороде. Я уже давно присел бы или разогнулся, чтобы размять спину. Как я, в сущности, и сделал недавно, предложив «перекурить», а они стоят как ни в чём не бывало и ещё что-то там разбирают, тихо напевая.

Так она и стояла, выставив свои округлые прелести в сторону коридора, где я завис, как замороженный, с картоном в руках. Надеты на ней сегодня были леггинсы, так обтягивавшие её попку тонкой эластичной тёмно-зелёной материей, что ложбина между ягодицами, переходящая ниже в расселину между двумя валиками, просматривались так отчётливо, словно на ней вообще ничего не было надето. Мимо такого зрелища я спокойно пройти не мог.

Как-то однажды она призналась мне, что её очень возбуждают совершенно неожиданные попытки ею овладеть в самых неподходящих местах и, возможно, в самый неподходящий

момент, когда она занята каким-то делом. Я решил это проверить. Свалил коробки прямо в дверях комнаты и шагнул в кухню. Она продолжала греметь ложками в банкетке.

Я легонько провёл пальцами снизу вверх по узкой расселине между валиками и выше по ложбине до самого копчика. Ложки мгновенно перестали греметь, она замерла и как будто бы даже затаила дыхание, не меняя позы. Я провёл ещё раз, на этот раз медленнее и увеличив прижим пальцев так, чтобы указательный и безымянный палец скользили по валикам и ягодцам, а средний – между ними, углубляясь в расселину и ложбину. Она стояла не шевелясь. Я ещё несколько раз прошёлся по всем её расселинам снизу вверх и сверху вниз, потом прихватил резинку леггинсов и стал медленно опускаться на колени, одновременно спуская вниз по её бедрам и ногам обтягивающие штанишки вместе с тонкими бежевыми трусиками.

Когда я стянул их до щиколоток, она, не разгибаясь, приподняла правую ногу и вышагнула из них. Я взял обе половинки её теплой попки в руки и стал их мягко массировать, время от времени останавливаясь, чтобы поцеловать одну из половинок и слегка прикусить её зубами. Потом другую. Так я проделывал около минуты, затем проскользнул пальцами между её уже разъехавшимися от прилившей крови валиками и стал ласкать её там, скользя пальцем вверх и вниз, вверх и вниз по горячей влажной расщелине. Она задышала и стала как будто бы всхлипывать.

В какой-то момент я неожиданно, но не резко просунул палец в её бархатную норку. Она издала лёгкий стон и чуть подогнула, и вновь распрямила колени. Немного попутешествовав пальцем в её глубинах и одновременно продолжая покусывать её попку то очень нежно, то покрепче, со страстью и постаныванием прихватывая зубами, я расстегнул свободной рукой свои джинсы и, спустив их до колен, встал на ноги. Влажными пальцами я направил свой одеревеневший горячий специнструмент в ожидавшую его тесную норку.

Раздался громкий стон, и не прошло и пары минут, как она огласила кухню своим неистовым и столь сладким моему уху воплем. Я тут же догнал её, уж больно она была возбуждающей и тесной в этот раз. Она выпрямилась, повернула ко мне покрасневшее лицо с влажными тёмными осоловевшими глазами и обвила руками мою шею, прильнув ко мне всем телом и тёплыми губами. Так мы и стояли, прижавшись расслабленными телами посреди кухни со спущенными до пола штанами. И то, что она говорила, оказалось правдой – моё неожиданное нападение на неё, занятую своими хозяйственными делами, действительно мгновенно воспламенило её желание и быстро привело к бурному окончанию и глубокому удовлетворению.

В этот вечер нам так и не удалось выбраться из дома. Ни в кино, ни в магазин. Разборка самого серванта и тщательная упаковка его драгоценных и хрупких деталей, особенно стеклянных дверок, потребовали долгой скрупулезной работы, совершенно измотавшей нас к вечеру, и сил у нас осталось только на быстрый ужин и затем на немедленную отправку в постель уже далеко за полночь. Какое уж тут кино!

День девятый (18 апреля, суббота)

На субботу мы никакой совместной деятельности не планировали. В субботу с утра я собрался поехать домой. Выходные я обычно проводил с сыном, который жил с матерью. Мы уже давно были с ней в разводе. Я позвонил сыну, чтобы договориться о месте и времени встречи. Но он сообщил, что бабушка купила билеты в театр и сегодняшний день и вечер у него занят культурной программой. Ладно, театр — это очень хорошо. Я положил трубку и объявил ей, ещё нежившейся в постели, что сегодня она может располагать мной в полной мере. Она засмеялась и откинула одеяло. Я ахнул от восторга, тут же содрал с себя всё, что уже успел надеть после утренних водных процедур, «рыбкой» прыгнул к ней, прижался к её ещё тёплому со сна нагому телу и прильнул к её мягким губам.

В связи с резким изменением моих планов было решено не упускать открывшуюся возможность и использовать свалившуюся удачу для разборки малого гардероба. К счастью, вещей в нём оставалось не так уж много, только то, что ещё не было перевезено в Австрию раньше, поэтому с таким объемом работ мы справились довольно быстро. Да и особых условий упаковки они не требовали. Она аккуратно укладывала вещи в картонные коробки, а я тем временем раскручивал стягивающие болты, которыми крепились стенки к днищу и верхней крышке гардероба. Когда мне была нужна её помощь, она откладывала свои тряпочки и подключалась к разборке, без колебаний подставляя своё нежное женское, но, как выяснилось, довольно крепкое плечо или надёжную руку.

Этот предмет мебели нам, уже поднаторевшим в разборке и укладке, особых проблем и неожиданностей не принёс, поэтому мы завершили свою работу довольно быстро, упаковали детали в картон, надписали получившиеся плоские коробки, занесли в реестр, сложили в стопку и сели отдохнуть. До вечера было ещё далеко, поэтому я снова заговорил о выходе в кино. Подумав с оттенком зависти, что сынок мой там культурно развлекается, а мы тут, как проклятые, всё припахиваем и припахиваем. Она согласилась и пошла в ванную мыть голову и приводить себя в порядок.

Стоял тёплый вечер, напоенный ароматами пробуждающейся весенней природы, по деревьям расплескался свежий зелёный дым юных острых липких листиков, вылупившихся из лопнувших почек, и можно было бы прокатиться до торгового центра, где расположился кинотеатр, на трамвае. Три остановки. Но, памятуя, что надо будет ещё заглянуть в магазин за продуктами, решили всё же поехать на машине. До сеанса посидели в кафетерии, попили кофейку с какими-то круглыми пирожными, а когда в фойе мелодично блякнул звонок, прошли в тускло освещённый зал, который быстро наполнился народом под завязку.

Мы чудом и совершенно случайно попали на показ только что вышедшего в нашем прокате фильма «Лолита» с Джереми Айронсом и Доминик Суэйн в главных ролях. Пронизанного, к тому же, чудной музыкой Эннио Морриконе. Прямо как по заказу! Погасили свет, пошла картина, я взял её за руку, она положила свою чудно пахнущую шампунем и духами головку мне на плечо. Так мы и сидели, как школьники на первом свидании, пришедшие в кино, радующиеся любой возможности прикоснуться друг к другу в волнующей темноте, скрывающей невольный румянец застенчивости и возбуждения от внутренних колебаний: можно уже её поцеловать в этой укромной тьме? Как она отреагирует? Не рассердится ли?

Я наклонился к ней и поцеловал в уголок губ. Она не рассердилась, она повернула голову и ответила мне сладкими живыми губками и язычком. Мы застыли в бесстыдном поцелуе в переполненном зале, я даже зажал рукой её грудь, обтянутую кофточкой, а на экране разво-

рачивалась будоражащая воображение драма порочной привязанности взрослого мужчины к девочке-подростку.

Затарившись в магазине всем необходимым, не забыв прихватить пару баночек красной икры и четыре бутылки брют — её диетический рацион на пару дней, мы в лирическом настроении вернулись домой. Она быстро накрыла ужин, и мы расположились в креслах у журнального столика. В маленьком стеклянном подсвечнике горела свеча, опять поднимались пузырьки в бокалах, искрясь в мягком свете торшера, опять она сидела на кресле как кошечка, уютно подобрав под себя ноги в обтягивающих лосинах и тонких белых носочках. Я не уставал любоваться ею. Мне было хорошо и по-домашнему тепло. Я чувствовал себя на своём, на правильном месте.

Я посмотрел сквозь бокал на огонёк свечи и спросил: «Как тебе фильм? Ты читала книгу? Тебе нравится Набоков?» Она поднесла свой бокал к губам и неопределённо пожала плечами. На какой из этих вопросов я получил такой ответ, не знаю. Думаю, скорее всего, на последние два. «Принято считать, что главный герой, Гумберт, просто извращенец, своего рода педофил», — я тоже немного отпил из бокала. «А что, по-твоему, это нормально, когда взрослый мужик домогается девочки-школьницы, — отреагировала она. — Даже женится на её матери, чтобы только быть поближе к девочке, иметь возможность следить и подглядывать за ней? Конечно, извращенец. Больной какой-то!»

«Послушай, это очень поверхностный, хотя и распространённый взгляд, — я был доволен, что она попала на мою наживку. — Набоков хотел показать, что в каждом взрослом мужчине в глубинах подсознания живёт подросток, не реализовавший свои детские фантазии, связанные с ранней школьной любовью. И иногда этот подросток даёт о себе знать, заставляя мужчину бессознательно испытывать то нереализованное влечение к молоденьким девочкам, ещё не до конца оформившимся как физически, так и ментально. Это происходит под влиянием скрытых в бессознательном образов привлекавших его тогда сверстниц. Наивных, глупеньких и романтических, начитавшихся записей из альбомов своих подружек, типа: «Умри, но не отдавай поцелуя без любви».

Она засмеялась: «Ну, её-то, Лолиту, никак не назовёшь романтической и наивной!» «Да, конечно, но дело не в ней, я говорю об образе, который носит в себе мужчина, — продолжал я. — Этот образ, как и любой идеализированный образ, очень далёк от реального персонажа, вызвавшего безответную подростковую любовь». Я посмотрел на её задумчиво склонённую головку, на отблески огонька свечи в глазах, и в этом неверном, приглушённом свете, размывшем и сгладившем чуть покачивающимися тенями все черты её лица, она казалась мне сейчас очень молодой, совсем юной, почти такой, какой была в те наши беспечные школьные годы, пронизанные бьющим через край ощущением всеобъемлющей любви и безбрежных сияющих надежд на бесконечную счастливую жизнь впереди.

«А ведь знаешь, — снова заговорил я, — я влюбился в тебя ещё тогда, в девятом классе, когда ты была, может быть, чуть старше этой Лолиты. И тот далёкий образ также дорог мне, как и ты сегодняшняя, реальная, сидящая вот тут, рядом, только руку протяни — и можно коснуться тебя, моей мечты. Но разве мечты можно коснуться?» Горячая волна удивительной ностальгической нежности вдруг охватила меня, на секунду мне вновь показалось, что мы вернулись на двадцать пять лет назад, я поставил бокал на столик, сполз из кресла на пол и спрятал лицо в её тёплых коленях, скрывая выкатившиеся из глаз слёзы.

Она сначала замерла от неожиданности, а потом со свойственной женщинам тонкой проницательностью во всём, что касается настроений и эмоций, тоже отставила свой бокал и, положив руки мне на голову, стала ласково поглаживать мой затылок, запуская пальцы в волосы, не то стараясь успокоить, не то просто из желания приглубить. Мне казалось, я могу бесконечно так стоять на коленях перед ней, моей любимой маленькой девочкой, уткнувшись в её

бедро, погрузившись в её тепло, её запах, и ничего больше, и ничего лучше мне не надо. И, возможно, уже и не будет.

Когда я вышел из ванны, она лежала в постели, натянув одеяло до подбородка, и смотрела на меня широко открытыми глазами так, что меня обдало жаром и горло сжал спазм, от которого я не смог бы выговорить ни слова. Но я и не собирался ничего говорить. Я молча скользнул к ней под одеяло, провел ладонью по её гладкой шёлковой щеке и, прижавшись к её упругой груди, нежно охватил своими губами её губы. И растворился в нежности и заполнившем всё внутри горячем желании. Она почувствовала моё настроение и приникла ко мне всем своим тёплым нагим телом в ответной трепетной нежности. Мне казалось, что я чувствую лёгкую дрожь, пробегающую по её спине и бёдрам, и гулкие удары сердца. Или это было моё сердце?

Я ласкал её нежную грудь, потом спускал руку ниже, поглаживал её бок, бедро, круглую попку, потом снова неторопливо и прочувствованно поднимался тем же путём вверх к груди, зажимал и теребил затвердевший сосок, не отрываясь от её раскрытых подвижных влажных губ и сладкого языка. Всё происходило неторопливо, плавно и сдержанно, несмотря на сжигающий нас огонь, разливавшийся в груди, в животе и ниже. Мы поджаривались в этом огне, мы изнемогали от желания, но не торопились, наслаждаясь ласками и тесным соединением наших тел. Казалось, каждая клеточка, каждый сантиметр кожи участвуют в этом чувственном наслаждении близостью, этом плотном соприкосновении.

Я пропустил руку между её горячих бёдер и почувствовал, что она просто исходит соком, она давно готова, она ждет, но она меня не торопит, получая, как и я, удовольствие от предвкушения сладостного момента встречи самых чувствительных мест. И я медленно развел в стороны её бёдра, приподнялся и, оказавшись между ними, медленно вдвинул внутрь её горячих, ждущих глубин свой крепкий «исследовательский зонд». Она застонала, выгнула спину и закрыла глаза. Я тоже застонал от наслаждения и начал движение – неторопливо, но уверенно и размеренно, на всю длину того, чем скромно одарила меня природа. Она стала подавать мне навстречу низ живота, но я не торопился. Я плавился в этом тягучем, как горячий мёд, наслаждении, стараясь прочувствовать всем своим телом все эти яркие, острые ощущения.

Я старался растянуть это слияние, это глубинное и полное познание, чтобы выпить тебя, моя любовь, моя мечта, по капельке, всю, до самого доньшка, капельку за капелькой, смакуя каждую капельку, каждую секундочку, каждое твоё, даже самое мимолётное движение, каждый вздох, каждый стон. Утонуть в тебе, раствориться в твоём тепле, в твоём любимом, родном аромате. Не знаю, сколько это длилось, может, полчаса, может, час, может, вечность, но мне и вечности было бы мало. Время остановилось и замкнуло свой прозрачный недвижимый свод над нами.

Она не выдержала первой и, крепко обхватив мою спину, задрала свои ноги как могла выше. Пришлось ей помочь и подхватить, как обычно, под коленки. Я почувствовал, как её ноготки вонзаются мне в спину, и через секунду ночную тишину дома сотряс её крик. Этот крик подхлестнул мою долго сдерживаемую страсть, и я тут же пришел к финишу и тоже весьма громко. Я отпустил её колени и опустился на её горячую грудь. Я не мог оторваться от неё, мне хотелось совсем, совершенно, абсолютно слиться с нею, проникнуть под кожу, растворить в ней всё, что у меня ещё не растворилось, стать с ней буквально одним целым. Но, увы, наша кожа, так славно устроенная для ощущений, для удовольствия от мельчайших прикосновений, одновременно служит и барьером, границей, за которую выйти нам не дано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.